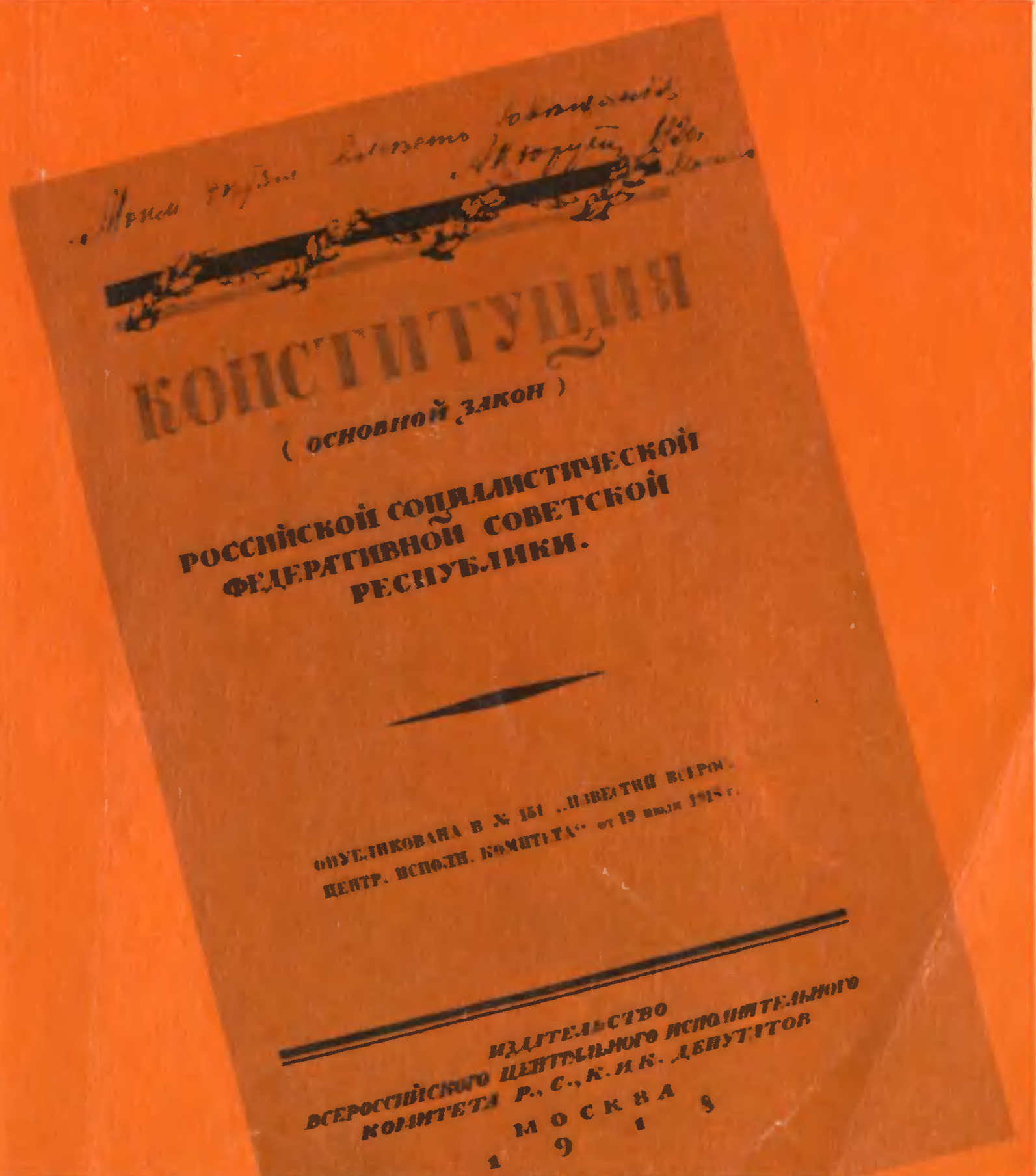

ЛЮДМИЛА ПИНЧУК
МОИМ ДЕТЯМ—
ВМЕСТО
ЗАВЕЩАНИЯ

* БИБЛИОТЕЧКА СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ *

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

ЛЮДМИЛА ПИНЧУК

МОИМ ДЕТЯМ—
ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1978

1МИ7

ПЗ2

Пинчук Л. Р.

ПЗ2 **Моим детям — вместо завещания.**
М., Политиздат, 1978.

111 с. с ил. (Б-чка семейного чтения).

В книге журналистки Людмилы Пинчук рассказывается о том, как росли и воспитывались дети в семьях большевиков-ленинцев, людей того поколения, которое штурмовало Зимний, сражалось на фронтах гражданской войны, строило социализм.

Книга написана на основе документальных материалов.

Она заинтересует родителей, педагогов и воспитателей, а также юных читателей, которые решают для себя вопрос, «делать жизнь с кого».

П $\frac{11301-018}{079(02)-78}$ 308—78

1МИ7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1977 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Книга эта никого не оставит равнодушным. И прежде всего потому, что в ней рассказывается о людях, имена которых навсегда вписаны в славную летопись нашей борьбы и побед.

Чем дальше уходит от нас легендарное время Великого Октября, тем полнее и ярче раскрываются образы героев революции, бойцов ленинской гвардии. Удивительные это были люди! Сильные духом, наделенные непреклонной волей, с яркими индивидуальными характерами. Мы помним этих людей как бесстрашных борцов, участников Великой Октябрьской социалистической революции, крупных партийных и государственных деятелей, талантливых военачальников.

Некоторых из них и я знала лично. В трудном, голодном 1918 году я была продкомиссаром подмосковного города Богородска (ныне Ногинск). Тогда-то мне и довелось познакомиться с народным комиссаром продовольствия Александром Дмитриевичем Цюрупой, человеком кристально чистой души, скромным и неутомимым. Не раз приходилось мне слышать выступления замечательных большевиков, пламенных ораторов Виктора Павловича Ногина и Павла Петровича Постышева.

В этой книге большевики старшего поколения предстают перед читателями любящими отцами, чуткими воспитателями, заботливыми наставниками своих детей.

Их методы воспитания вытекали из революционного мировоззрения каждого из них, которое требовало вырастить ребенка прежде всего Гражданином, идейно убежденным коммунистом, человеком, беззаветно любящим свою Советскую Родину, всегда готовым к ее защите. Большевики-ленинцы прививали

детям любовь к труду как нравственную основу воспитания человека, внушали чувства чести и достоинства, доброты и справедливости. Они учили их ненавидеть мещанство, обывательщину, потребительское отношение к жизни.

В общении с детьми большевики руководствовались опытом своей жизни, принципами высокой человеческой морали, выработанной в борьбе за идеалы коммунизма.

Непременным условием и предпосылкой правильного воспитания детей, по глубокому убеждению большевиков-ленинцев, является дружная и любящая семья, где царят такт и взаимное уважение в отношениях между родителями и детьми, где слово не расходится с делом, а в делах и поступках взрослых проявляется подлинная принципиальность и последовательность.

Нравственные принципы бойцов ленинской гвардии, развиваясь и обогащаясь, стали нормой жизни советских людей. На XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, говоря об идейном воспитании молодого поколения, подчеркнул: «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения».

В семьях, о которых пойдет речь в этой книге, всегда уважали ребенка, закаляли его характер и волю, готовили его к преодолению жизненных испытаний. Самым действенным воспитателем был личный пример отца и матери.

Людьми с горящими сердцами называет народ героев Октября, создателей первого в мире социалистического государства. Жизнь и подвиг революционеров-ленинцев навсегда останутся образцом мужества и благородства, верности коммунистическим идеалам, идейной убежденности, вечно будут служить надежным компасом, указывающим путь грядущим поколениям нашей страны.

*К. П. Чудинова,
член КПСС с 1914 года*

Воспитание — великое дело, и им
решается судьба человека.

В. Г. Белинский

СЧАСТЬЕ — ЭТО ВСЕГДА БЫТЬ НУЖНЫМ ЛЮДЯМ...

Все было прекрасно в то февральское утро. И Художественный театр с его скромным, но таким уютным зрительным залом, с тяжелым серым занавесом, с белой чайкой, распростершей свои крылья в полете. И сама постановка «Синей птицы», волнующая и увлекательная. И разговор после спектакля — о счастье, о неуловимой синей птице.

— Что такое счастье? — спросил отец десятилетнюю дочку. — Как ты думаешь?

— Не знаю, — искренне призналась девочка.

Помолчав, отец сам ответил на свой вопрос:

— Самое большое счастье, дочка, — это всегда быть нужным людям.

...Человек, попытавшийся объяснить своей маленькой дочери это сложное понятие, был Сергей Иванович Мицкевич, имя которого по праву занимает почетное место в истории нашей партии.

Сергей Иванович Мицкевич — один из старейших русских марксистов, стоявших у истока зарождения большевистской партии. Вместе с другими революционерами он вел пропаганду среди московских рабочих и организовал в конце прошлого века марксистскую группу, ставшую ядром московского «Рабочего союза». Впоследствии этот союз положил начало московской социал-демократической организации.

С дочерью Сергея Ивановича Мицкевича — Еленой Сергеевной я встретила у нее дома. Мы сидели в большой светлой комнате, сплошь заставленной книжными шкафами. На стене — большой портрет отца. Я попросила Елену Сергеевну поделиться воспоминаниями о своем детстве.

— Мысли отца о человеческом счастье, — начала свой рассказ Елена Сергеевна, — я хорошо запомни-

ла. В своей жизни, в своих делах он всегда был верен словам, сказанным мне после спектакля «Синей птицы». Служение людям, стремление всегда быть им нужным — это жизненный принцип, которому он следовал неуклонно.

...Сергею Ивановичу Мицкевичу было шестнадцать лет, когда он отказался от блестящей карьеры гвардейского офицера царской армии и покинул кадетский корпус, чтобы стать врачом, — считал, что на поприще медицины он будет нужнее и полезнее людям. Оставался верен своим принципам Сергей Иванович и тогда, когда, будучи студентом медицинского факультета университета, добровольно отправился в Нижний Новгород на борьбу со вспыхнувшей там в 1892 году эпидемией холеры; долгое время работал в сормовской заводской больнице, спасая рабочих от тяжелой болезни.

Желание активнее, действеннее помочь народу привело С. И. Мицкевича на путь революционной борьбы, — он навсегда связал судьбу и жизнь с борьбой русского пролетариата.

— Я помню папу молодым, красивым и веселым. Он был заводилкой всех наших с братом Валентином детских игр, неистощимым выдумщиком. Мы с братом, конечно, не знали тогда, что отец был революционером и вел большую опасную работу подпольщика. Для нас он был просто папой, которого мы горячо любили. Особенно хорошо я помню отца с тех пор, как наша семья поселилась в Ляхове.

Это было после поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 года. Спасаясь от преследования царского правительства, С. И. Мицкевич со всей семьей переехал в небольшое местечко, расположенное в семи верстах от Нижнего Новгорода.

В Ляхове семья С. И. Мицкевича вела обычную, ничем не бросающуюся в глаза жизнь. Сергей Иванович много времени проводил в больнице, а его жена Олимпиада Николаевна училась на фельдшерских курсах.

Мицкевичи жили в небольшой, скромно обставленной квартире при больнице. Сергей Иванович и

Олимпиада Николаевна терпеть не могли безвкусных безделушек — фарфоровых пастушков, фаянсовых ангелочков и мраморных слоников, якобы приносящих счастье. Но зато в доме всегда было много книг и цветов, большим любителем которых был Сергей Иванович. Самым большим богатством семьи Мицкевичей была удивительная атмосфера сердечности и доброты, любовь супругов друг к другу, внимание и забота о детях.

— Ничего не было прекраснее субботних семейных вечеров, — с улыбкой вспоминает Елена Сергеевна. — В субботу папа рано приходил из больницы, и дом сразу наполнялся радостным оживлением. Тут же папа с мамой «в четыре руки» принимались готовить ужин. Мы с братом Валентином всю неделю с нетерпением ожидали субботы, потому что в этот день родители позволяли нам посидеть с ними за столом подольше и папа допоздна рассказывал мне и Вале сказки.

Как дети любят слушать сказки и сколь велика их воспитательная роль — это известно всем. Однако, — подчеркивает Елена Сергеевна, — мне думается, что все зависит от того, как их рассказывать, на чем делать акцент, придающий повествованию особый смысл. Можно рассказать сказку так, что ребенок непроизвольно почувствует: как хорошо, что он дома, а рядом папа и мама и поэтому не страшны ни Баба-Яга, ни Серый Волк. Но ту же сказку можно рассказать и по-другому — так, как рассказывал нам папа. В его повествовании «страшное» куда-то пропадало, надо всем брало верх восхищение мужеством, благородством и добротой сказочных героев.

Те субботние вечера мы с братом любили еще и за другое. Называли мы их «сибирскими»...

...На стол, накрытый белой скатертью, ставили большое блюдо с горячими, вкусно пахнущими пельменями. Их искусно готовила Олимпиада Николаевна, коренная сибирячка. Ели все с большим аппетитом, шутили, разговаривали. Но самое интересное начиналось после ужина. Убрав со стола посуду, Олимпиада Николаевна открывала горбатую крышку дорожного сундука и доставала оттуда ярко расшитые якутские костюмы. Быстро переодевшись в яркие наряды, Олимпиада Николаевна и Сергей Ива-

нович брали бубен, и тут начинался настоящий спектакль.

Дети не отрывали глаз от отца и матери, которые, весело смеясь, перебрасывались непонятными якутскими словами, под звуки бубна задорно плясали, а утомившись, чинно усаживались за стол и запевали протяжные якутские песни. Потом начинали вспоминать о далеком и холодном якутском крае, где жили смелые и мужественные люди.

В ту пору Сергей Иванович и Олимпиада Николаевна были молоды, им, наверное, и самим доставляло удовольствие вспоминать трудные, но счастливые годы, когда Сергей Иванович в далекой Якутии встретил семнадцатилетнюю Липочку, дочь ссыльного народовольца, и горячо полюбил ее.

За активное участие в революционном движении Сергей Иванович Мицкевич в 1894 году был арестован. После трехлетнего заключения в одиночной камере Таганской тюрьмы его на пять лет сослали в Якутию.

В те далекие годы коренные жители Якутии владели жалкое существование. Царское правительство сознательно обрекало «инородцев» на вымирание. В одном из самых отдаленных селений этого сурового края, Среднеколымске, Сергей Иванович начал свою врачебную деятельность. Забитые и неграмотные якуты и юкагиры никогда до этого не видели врача и сперва боялись обращаться к нему. Надо было обладать большой чуткостью, теплотой и особым умением находить путь к людским сердцам, чтобы приучить местных жителей посещать юрту, где Сергей Иванович принимал больных. Он лечил их от цинги и трахомы, от воспаления легких и туберкулеза. Он делал операции и принимал роды. В любую погоду — в жгучие морозы, в пургу и метель — доктор Мицкевич объезжал на собачьих упряжках из конца в конец Колыму, оказывая необходимую врачебную помощь больным. Сергей Иванович был первым русским врачом, посетившим пристанище больных проказой, прозванное народом «пределом скорби». Ссылный революционер добился того, что в Среднеколымске приступили к строительству больницы.

Рассказы отца о якутском периоде жизни, которые сын и дочь не раз слышали, впоследствии оказали на них большое влияние. Когда дети стали старше, они, конечно, поняли и оценили гражданский подвиг отца, его подвижничество, уважение и доброту к людям.

Именно эти качества Сергея Ивановича сыграли большую роль в воспитании детей. Отец стал для них примером, образцом нравственного совершенства. Не скучными нотациями, а своими делами и жизнью воспитывал он в детях стремление быть полезными и нужными людям.

Нити, связывающие Сергея Ивановича Мицкевича с Якутией, не оборвались и тогда, когда он вернулся из ссылки. Не ослабели эти дружеские связи и после победы Великой Октябрьской социалистической революции: С. И. Мицкевич работал в Комитете Севера и возглавлял там комиссию по оздоровлению. К нему в Москву часто приезжали его старые друзья — якуты и юкагиры. Да и теперь, спустя более семидесяти лет, к его дочери Елене Сергеевне нередко приезжают в гости из Среднеколымска — дети и внуки тех, кого когда-то лечил ее отец...

Елена Сергеевна показывает мне множество сувениров, подаренных ей якутскими друзьями. Меха-вые, расшитые бисером унты, кусочек промерзлой земли, на месте которой когда-то стоял дом Сергея Ивановича Мицкевича в Среднеколымске, макет маленького чума.

Сергей Иванович и Олимпиада Николаевна особенно много внимания уделяли воспитанию в детях чувства обостренной совести. Они не боялись потревожить детскую душу и оберегали своих ребят прежде всего от тяжелой и опасной болезни — безразличия и равнодушия. Леля — так в детстве звал Елену Сергеевну — была шестилетней девочкой, когда отец преподавал ей наглядный урок внимания и уважения к человеку.

В Ляхове, где жила семья Мицкевичей, Леля дружила с дочкой истопника больницы Раей.

Девочки много времени проводили вместе. Рая часто бывала в доме у Мицкевичей. Однажды, когда

Леля со своей подружкой во что-то играли, Сергей Иванович уловил в тоне дочери повелительные нотки, высокомерие. Девочка разговаривала с Раей с раздражением, капризно, перечила каждому ее слову.

Отцу это не понравилось. Когда девочка ушла, он спросил Лелю:

— Почему ты с Раей так разговариваешь?

— Мне скучно с ней,— ответила девочка.

— Почему?

— Она ничего не знает,— надменно заявила Леля.

— Неправда! — резко оборвал ее Сергей Иванович.— Как это она ничего не знает? Вспомни, как летом мы ходили в лес по грибы. Кто научил тебя отличать маслята от белых, а лисички от сыроежек? Кто показал нам самые грибные места? А кто научил тебя плавать? Все позабыла! Как же ты смеешь так говорить о своей подруге!

— Рая мало читала,— оправдывалась Леля.— Она даже «Руслана и Людмилу» не знает.

— Если ты Рае настоящий друг, то должна помочь ей,— посоветовал отец.— Взяла бы и почитала ей вслух. Вот когда она завтра снова придет к тебе, подари ей свои книжки и предложи приходить к нам по вечерам. Я сам буду с ней заниматься.

Два года Сергей Иванович занимался с дочкой истопника и добился, чтобы способную девочку приняли в гимназию на казенный счет.

Сергей Иванович никогда не прощал малейшего неуважения к человеку.

Елена Сергеевна вспоминает такой эпизод из своей юности.

Она уже училась в институте, когда вдруг заболела ее любимая подруга. Сергей Иванович каждый вечер спрашивал у дочери о состоянии больной. Но, занятая на лекциях и семинарах, Леля долго не навещала подругу.

Когда она наконец собралась, Сергей Иванович сухо заметил:

— Можешь не торопиться. Я был у Марины. Ей уже лучше.

При этом отец так посмотрел на дочь, что та, устыдившись, не проронила ни слова.

— Надо жить с открытыми глазами и всегда видеть, кому нужна твоя помощь, — напомнил Сергей Иванович и повторил слова своего любимого поэта Гете: — «Поведение — это зеркало, в котором каждый показывает свой лик».

Когда Валентин и Леля подросли, они узнали, что их родители — революционеры и ведут борьбу с царским самодержавием. В доме Мицкевичей постоянно жили незнакомые люди: они неожиданно появлялись и так же внезапно исчезали. Дети твердо усвоили, что рассказывать посторонним о гостях нельзя. Позже они узнали и о том, что квартира Сергея Ивановича Мицкевича в Ляхове была конспиративной явкой нижегородских большевиков, что в ней укрывались руководители Декабрьского восстания в Нижнем Новгороде Павел Иванович Лебедев-Полянский, впоследствии известный советский ученый-литературовед, и Николай Александрович Семашко, будущий нарком здравоохранения.

Нередко по вечерам до Лели и Валентина доносились громкие разговоры взрослых. Дети слышали, как родители и их друзья осуждали самодержавие, возмущались тем, что произошло в Сибири. Там весной 1912 года на Ленских золотых приисках были расстреляны бастовавшие рабочие. Случилось это незадолго до того, как вся официальная Россия собиралась торжественно отметить трехсотлетие царствующего дома Романовых. В этих празднествах участвовали и школьники.

В гимназии, где учился Валентин, полным ходом шла подготовка к «царским дням»: украшали классы, развешивали портреты царя и членов его семьи, готовили концертную программу. В актовом зале каждый день после уроков раздавалось громкое пение гимна «Боже, царя храни». Гимназисты должны были исполнять его на торжественном вечере. Валентин на вечер не явился. Это было замечено гимназическим начальством. И вот на следующий день классный надзиратель, обращаясь к ученикам, сообщил многозначительно:

— К сожалению, я должен немного огорчить вас, господа. В нашем классе находятся люди, которые, несмотря на свою молодость, уже имеют собственные опасные убеждения...

Из-за парты немедленно поднялся Валентин и в тон учителю сказал:

— К сожалению, у нас в классе находятся люди, которые, несмотря на свой преклонный возраст, не имеют никаких убеждений...

Валентина тотчас же вызвали к директору, потребовали извиниться. Он отказался, за что был тут же исключен из гимназии.

— Сдам экзамен экстерном, — сказал он решительно отцу, — а царским подлизой не буду.

Так в поступке четырнадцатилетнего мальчика проявилась его идейная убежденность. Сергей Иванович был, конечно, огорчен исключением Валентина из гимназии, но не мог не гордиться сыном, его смелостью и принципиальностью. Эти черты стали определяющими в характере Валентина.

Шестнадцатилетним подростком, еще до Октябрьской революции, Валентин Мицкевич вступил в большевистскую партию. Он выполнял многие поручения партийной организации, позже стал одним из организаторов Союза молодежи Москвы, работал в кремлевской библиотеке Владимира Ильича Ленина.

Многолетняя дружба связывала Сергея Ивановича Мицкевича с семьей Ульяновых. Он был знаком с матерью Владимира Ильича — Марией Александровной, в московском подполье работал со старшей сестрой Ленина — Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой и с братом Дмитрием Ильичом. С Владимиром Ильичем они были друзьями юности. Каждый раз, приезжая из Петербурга в Москву, Владимир Ильич непременно встречался с Сергеем Ивановичем, бывал у него дома. Мицкевич был первым, кого Владимир Ильич познакомил со своей работой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Сергей Иванович участвовал в ее нелегальном издании.

Он был очень рад тому, что его сын начал свою трудовую жизнь под личным руководством Владимира Ильича. И Валентин, молодой большевик, считал, что ему оказана высокая честь работать рядом с Лениным.

Когда же началась гражданская война, Валентин Мицкевич решил добровольно уйти на фронт, всту-

пить в Красную Армию. Ни отец, ни мать не стали его отговаривать.

В то время для вступления в ряды Красной Армии надо было предоставить отзыв и рекомендацию с места работы. Валентин обратился к В. И. Ленину, который написал о нем следующее:

«29.IV.1919 г.

Настоящим рекомендую товарища Валентина Сергеевича Мицкевича и как коммуниста и как безусловно добросовестного работника. Должен добавить, что, по свидетельству товарищей наблюдавших его работу и заслуживающих абсолютного доверия, т. Мицкевич обладает способностями организатора.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)».

На фронтах гражданской войны оказалась вся семья Мицкевичей. Сергей Иванович Мицкевич, которому в ту пору было уже за пятьдесят, мог продолжать работу в Народном комиссариате просвещения, однако он добровольно отправился лектором на Юго-Западный фронт, а затем был назначен помощником начальника санчасти Южного и Юго-Западного фронтов. Олимпиада Николаевна возглавляла отдел информации агитпоезда «Октябрьская революция», который под руководством М. И. Калинина объезжал фронты и вел большую пропагандистскую работу среди воинов Красной Армии. Сын Сергея Ивановича — Валентин сражался в боях против Деникина, Врангеля, Юденича, дрался с бандами Энвер-паши в Восточной Бухаре. Леля, активный член Союза молодежи, работала в московских госпиталях.

После окончания гражданской войны дети Мицкевичей продолжали учиться. Валентин, став кадровым военным, учился в военно-политической академии. Следуя примеру отца, он всегда старался быть там, где сумеет принести больше пользы. Когда страна начала поднимать народное хозяйство и ей понадобились инженеры, специалисты социалистической индустрии, Валентин Мицкевич оставляет военное поприще и поступает в Промышленную академию. Окончив ее, он долгие годы, до дня своей смерти в 1948 году, работал на заводах Урала.

Леля с детства увлекалась гуманитарными нау-

ками и, следуя совету отца, начала изучать иностранные языки.

Елена Сергеевна окончила Высшую дипломатическую школу, работала в советском полпредстве во Франции, затем заведовала кафедрой французского языка в Институте международных отношений. Более полувека она является членом Коммунистической партии.

— Я часто вспоминаю отца, — говорит Елена Сергеевна. — Он встает передо мной в своей неизменной тройке, отправляющимся на работу в Музей революции, основателем и первым директором которого был. На память приходят слова писателя Юрия Либединского, познакомившегося с отцом в начале тридцатых годов. «В остро подстриженной бородке поблескивает седина, — описывал писатель Сергея Ивановича, — глаза внимательно зорки и добродушны. Самим своим существованием свидетельствует он о реальности того легендарного времени, когда зарождалась «Искра» и когда искра разгорелась...»

Далеко мое детство. Те, кто воспитывает своих детей сегодня, растят их в иных условиях. Но есть ценности, нравственные принципы, которые не стареют, а остаются священными для каждого поколения, — быть верным идеям коммунизма, нужным своему народу, защищать первую Страну Советов, всегда отстаивать свои убеждения, беречь честь и совесть.

Ныне Елена Сергеевна — персональная пенсионерка. Она ведет большую общественную работу, часто выступает перед школьниками, молодыми рабочими, студентами. Дома у нее хранится множество писем, которые она получает от пионеров и комсомольцев Яранска, родного города Сергея Ивановича Мицкевича. Ей пишут из многих городов и поселков Якутии, и, конечно, больше всего из Среднеколымска, где жил и лечил людей ее отец, где до сих пор стоит больница, построенная им, где память о ветеране нашей партии, враче-подвижнике, человеку благородного сердца Сергее Ивановиче Мицкевиче передается из поколения в поколение.

НЕПРЕРВАННАЯ НИТЬ

Глухо хлопнула тяжелая кованая дверь, щелкнул замок, и тишина тюремной камеры больно отозвалась в сердце.

Одному из руководителей московских большевиков, проводившему подготовку к вооруженному Декабрьскому восстанию 1905 года, Виргилию Леоновичу Шанцеру, не пришлось участвовать в уличных боях, сражаться с солдатами Семеновского полка, строить на Пресне и в Замоскворечье баррикады. В первый день восстания, выданный провокатором, он вместе с другими большевиками был арестован и заключен в одиночную камеру Таганской тюрьмы.

Сюда друзья с воли передали ему радостную весть: у него родился первенец, сын.

Виргилий Леонович был счастлив, он мечтал увидеть малыша, однако понимал, что это будет не скоро: ему предстояла далекая и долгая ссылка.

Виргилий Леонович Шанцер принадлежал к тому поколению деятелей нашей партии, которое вступило на путь борьбы с царским самодержавием в начале нынешнего века. Наиболее яркой страницей его короткой жизни стал боевой 1905 год. За принципиальность и революционный темперамент, за самоотверженность и отвагу, за блестящий ораторский талант московские большевики дали ему подпольную кличку Марат.

Маратом звал его и Владимир Ильич Ленин.

В. Л. Шанцер был непреклонным революционером, видевшим смысл жизни в борьбе за свободу России и ее народа. Политические взгляды Шанцера полностью разделяла его жена — Наталья Федоровна.

Она была удивительной женщиной. Талантливая ученица Харьковского музыкального училища, Наталья Федоровна готовилась стать профессиональной пианисткой. Однажды, когда на гастроли в Харьков приехал Петр Ильич Чайковский, она исполнила перед публикой его Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Дирижировал в тот вечер сам автор, который остался доволен проникновенной

игрой юной пианистки. Петр Ильич пророчил ей блестящую музыкальную карьеру.

Жизнь Натальи Федоровны сложилась, однако, по-другому. Она вышла замуж за революционера Л. Л. Никифорова и, когда его судили и сослали в Сибирь, не раздумывая, последовала за мужем вместе с двумя маленькими детьми. Там она проявила необычайное мужество, стойкость, безграничную доброту и заботу о политических ссыльных.

После смерти Л. Л. Никифорова Наталья Федоровна некоторое время спустя стала женой В. Л. Шанцера. Они создали дружную и крепкую семью.

Быть может, никому не была так дорога семья, как тем людям, которые пережили далекую ссылку, привыкли делить лишения и нужду, жертвовали счастьем и жизнью во имя освобождения народа.

В семье В. Л. Шанцера было трое детей: двое старших — Лева и Вера — от первого брака Натальи Федоровны и Евгений, родившийся 26 декабря 1905 года, когда на улицах Москвы шли ожесточенные баррикадные бои.

Маленький Женя плохо помнил отца. Мальчику не исполнилось и шести лет, когда Виргилий Леонович Шанцер умер.

Казалось бы, о каком воспитании, о каком влиянии отца может идти речь в данном случае?

Тем не менее мы постараемся показать, какую большую и благотворную роль сыграл отец, его светлый образ в воспитании сына, в становлении характера, в формировании взглядов и убеждений юноши.

— Мне больше семидесяти, — начал свой рассказ Евгений Виргильевич Шанцер. — И трудно, конечно, спустя много лет говорить о первых шести годах своей жизни. Какое, казалось бы, значение имели эти годы для шестидесяти пяти последующих? Стали они основанием, крепким фундаментом моей жизни или просто изредка всплывают в памяти как нечто далекое, приятное и одновременно грустное? Я вижу себя шестилетним мальчуганом, смотрящим на портрет отца. Сколько помню, у нас в доме всегда на мамином столе стояла его фотография. На ней отец

в белой вышитой косоворотке, с густой шевелюрой, с добрыми, чуть близорукими глазами, внимательно смотревшими на меня из-за стекол очков. Казалось, отец сейчас спросит:

— Ну, как живешь, сынок?

В детстве я неизменно чувствовал отцовское влияние. В нашей семье всегда жил его образ, образ человека, воплотившего в себе чистоту нравственных принципов, незапятнанную честь и неподкупную совесть большевика-ленинца. Порой мне казалось, что он всегда был рядом со мной. Когда я брал с полки книгу, мама предупреждала:

— Будь осторожен, Женя, это папина книга.

И говорила она это так, будто отец только что ушел по делам и скоро вернется домой.

Когда я заболел, мама укладывала меня в постель, приносила горячий чай с малиной и говорила:

— Выпей, сынок, это — папино любимое варенье...

Об отце мне часто рассказывали старшие брат и сестра. Их рассказы были всегда проникнуты искренней любовью к нему, восхищением.

Став мужем Натальи Федоровны, Виргилий Леонович окружил девятилетнего Левушку и шестилетнюю Верочку, детей своей жены и покойного друга Л. Л. Никифорова, трогательной заботой, заменил им отца.

Он был бесконечно благодарен им, когда они разделили с ним все невзгоды и трудности суровой ссылки. Он понимал, как нелегко было Леве и Вере находиться в этом окруженном тайгой небольшом городке, где они были оторваны от привычной обстановки и своих друзей, где не имели возможности учиться в школе. Поэтому Виргилий Леонович всячески старался хоть немного скрасить детям жизнь.

...Разве это не чудо — увидеть сказку?

Рано, еще на заре, Виргилий Леонович будил Леву и Веру. Они наспех, обжигаясь, пили горячий чай и отправлялись в тайгу. На опушке леса они останавливались и всматривались в еще темное предрассветное небо. Неожиданно из-за горизонта выползло большое красное солнце. Оно окрашивало в нежный розовый цвет каждое дерево, и тут на глазах у ребят происходило чудо. Они видели, как, словно по мановению

вению волшебной палочки, раскрывались крохотные почки невысокого таежного кустарника, превращаясь в маленькие сиреневые звездочки цветов багульника.

— Мы слевой и прежде видели эти скромные цветы Сибири,— рассказывала Вера Жене.— Но только отец открыл нам их удивительно трогательную красоту.

А новогодняя елка, которую Марат устроил в ссылке для Левы и Веры! Виргилий Леонович сам украсил ее красными и желтыми нитками толстого гаруса, из которых Наталья Федоровна вязала ему теплый шарф, потом прикрепил к пушистым елочным ветвям тоненькие восковые свечи.

За праздничным столом дети ужинали вместе со взрослыми, слушали их веселые шутки, смех. Не было только музыки, и тогда Лева и Вера вытащили из-за стола Марата, и он, неловко приплясывая вокруг елки, запел французскую революционную песню «Карманьола». Голоса у него не было, но он пел так задорно, с таким увлечением, что и взрослые поднялись из-за стола, взялись за руки и повели вместе с детьми вокруг елки веселый хоровод.

— Такой необыкновенной елки,— рассказывали позже Лева и Вера маленькому Жене,— у нас никогда уже не было.

Виргилий Леонович ежедневно занимался слевой, чтобы подготовить мальчика к экзаменам. Прошел с ним весь курс истории и географии, французского и немецкого языков, знание которых было обязательно при поступлении в тогдашнюю гимназию. И когда Лева приехал в Москву, он успешно сдал экзамен сразу в третий класс.

Много душевной теплоты отдавал Виргилий Леонович и маленькой Верочке.

В раннем детстве Вера находилась некоторое время на попечении старой няни. Это была тихая хлопотливая старушка, очень религиозная. Сказок она не знала и, чтобы занять маленькую девочку, пересказывала ей содержание Библии, особенно запугивая ребенка всевидящим и всемогущим богом, который не прощает людям грехи. Чаще же всего она рассказывала Верочке о страшном потопе, который залил всю землю.

По ночам Вере снились большущие сковороды, на которых поджаривали грешников в аду, холодный скользкий змей ползал по комнате и подбирался к ее кровати.

Старушка водила Веру в церковь, и на эмоциональную девочку производили сильное впечатление таинственное мерцание свечей, церковное пение и сурово-сосредоточенные лица молящихся.

Родители не сразу узнали обо всем этом. Они даже не подозревали, что старая женщина водит Веру в церковь, заставляет девочку молиться, запугивает адом. Когда же они спохватились и принялись разубеждать Верочку, объясняли нелепость религиозных сказаний, девочка замкнулась, стала отчужденно относиться к отцу и матери.

Однажды у Верочки сломалась ее единственная кукла — самая любимая ее игрушка. Как ни старался брат Лева починить ее, ему это сделать не удалось. Чтобы утешить сестренку, Лева слепил ей из снега маленькую снежную куклу, принес ее в дом, и Верочка стала играть с ней. Но кукла быстро растаяла, и на полу образовалась большая лужа. Только два маленьких уголька — кукольных глаза — напоминали Вере о ее снежной подружке.

— Это тебя бог наказал, послушницу, — строго заметила девочке няня.

Верочка горько заплакала.

Вечером пришел Марат и узнал о случившемся.

— Я не виновата, я ничего плохого не сделала, — со слезами на глазах доказывала Верочка. — За что же бог наказал меня?

Успокоив девочку, Виргилий Леонович взял старую куклу и принялся ее чинить. А пока чинил, рассказал Верочке чудесную сказку о Снегурочке, дочери Деда Мороза и красавицы Весны, о любви Снегурочки к юноше Мизгирю, о Берендеевом царстве...

Когда сказка кончилась, Виргилий Леонович подал девочке куклу и сказал:

— Ну вот, мы исцелили твою куклу. Значит, мы сильнее бога... Когда человек чего-нибудь очень хочет, он этого всегда добьется, и бог тут, Верочка, совсем ни при чем.

На девочку эти слова произвели сильное впечатление: значит, папа и в самом деле сильнее и добрее

бога, того сурового старика, которого рисуют на картинках?

— После случая с куклой,— рассказывала Вера брату Жене,— отец стал ко мне как-то особенно внимательным. Когда у него выпадало свободное время, он уходил со мной гулять и во время прогулок объяснял явления природы, а когда я немного подросла, рассказал о Джордано Бруно, Галилее, Копернике, о том, как обошлась с этими великими учеными «милостивая церковь».

В ачинской ссылке Virgiliy Леонович очень скучал без работы. Он был юристом по образованию, но ему было запрещено заниматься практикой. Лишь спустя некоторое время власти разрешили ему приступить к адвокатской деятельности.

И вот однажды зимним вьюжным вечером, когда за окном мела поземка и ветер крепко бился о ставни замерзших окон, в дверь дома, где жил Шанцер, раздался настойчивый стук. Virgiliy Леонович открыл дверь, и в сени ввалился бородатый мужчина в тулупе, в черных катанках, в высоких меховых рукавицах. Его усы и борода заледенели. Видно было, что человек пришел издалека.

— Мне сказали, что здесь живет аблакат,— хрипло произнес незнакомец и, не дожидаясь ответа, спросил: — В суд за меня пойдешь?

— Кто вы такой?

— Из тайги иду... Надо бы словечко за меня замолвить...

— Ссылный?

— Господь с тобой. Старатель я...

И на стол легли блестящие крупницы золота.

— Чужое? — строго спросил Шанцер.

— То-то и оно. А вот тебе надобно доказать, что мое.— И бородач хитро ухмыльнулся.

— Уходите вон! — едва сдерживаясь от гнева, проговорил Virgiliy Леонович.

Непрощеный гость опешил, забормотал торопливо:

— Я ведь тебе заплачу... Золотом...

— Вон, грабитель!

Сжав кулаки, Virgiliy Леонович двинулся на перепуганного пришельца. Вера и Лева с восхищением смотрели на Марата.

— С того раза мы навсегда прониклись к Марату не только любовью, но и уважением, нас восхитила его смелость и принципиальность,— рассказывали Лева и Вера младшему брату.

— Рассказы брата и сестры,— вспоминает Евгений Виргильевич,— помогли мне создать образ отца — доброго, честного, веселого человека. Но лучше всех сумела раскрыть мне его облик, облик борца-революционера, мама.

Оставшись в 1911 году вдовой с тремя детьми, Наталья Федоровна продолжала вести партийную работу. Но по-прежнему много сил и душевной теплоты отдавала она воспитанию детей. Ей хотелось вырастить их достойными памяти отца.

— С детских лет мама часто рассказывала мне об отце,— говорит Евгений Виргильевич.— Она вспоминала отдельные эпизоды из его жизни, борьбы, деятельности, и у меня рано сложилось впечатление, что я его хорошо знаю, что он постоянно рядом со мной. Мама старалась воспитать меня так, чтобы я непременно равнялся на отца, был верен его памяти.

После смерти мужа Наталья Федоровна жила с детьми в Москве. Женя учился в коммерческом училище, где у него появился друг Коля. Он был сыном бедных родителей. С первого класса мальчик почувствовал себя в училище чужим. Преподаватели придирались к нему, особенно не давал покоя классный наставник.

Однажды Женя и Коля договорились после занятий сходить на каток, но перед уроком закона божьего кто-то выключил в классе свет.

Виновного, конечно, не обнаружили, а классный наставник обвинил Колю и в наказание оставил его после уроков на три часа.

Женя пришел после занятий домой, быстро пообедал и стал собираться на каток.

— А почему Коля не идет? — спросила Наталья Федоровна, внимательно следившая за дружбой мальчиков.— Вы же всегда вместе катаетесь...

— Коля не пойдет,— ответил Женя и рассказал о случившемся.

— Ты, значит, решил идти один? — спросила Наталья Федоровна, и в ее голосе Женя услышал укор.

— А что я мог сделать? — спросил он.

— Не знаешь? — сухо сказала мать. — Папа бы так не поступил...

— А как бы он поступил? — спросил Женя.

И Наталья Федоровна рассказала сыну эпизод из жизни отца.

...В августе 1904 года в честь рождения наследника престола была объявлена амнистия, по которой некоторые осужденные, в том числе и Шанцер, досрочно возвращались из ссылки. Все, конечно, бросились поздравлять Виргилия Леоновича, пожимали ему руки, желали поскорее покинуть место ссылки — Олекминск — и благополучно добраться до Москвы.

Однако он не стал торопиться... Отказался от свободы, дарованной манифестом, и решил не уезжать из Олекминска до тех пор, пока не будет предоставлена свобода всем политическим ссыльным. Виргилий Леонович подал заявление властям с категорическим требованием освободить всех политических. И добился того, что его товарищи по ссылке также были освобождены досрочно.

Женя выслушал рассказ матери, затем молча подошел к буфету, достал оттуда хлеб, холодные котлеты, завернул все это в бумагу и, глядя в пол, прошептал:

— Я пошел...

Он побежал в училище, где один в пустом классе отсиживал незаслуженное наказание Коля.

Ни слова не сказав, Женя протянул товарищу еду.

— А я думал, ты уже на катке, — удивился Коля.

— Без тебя не пойду! — заявил Женя. — Отсидим сегодня вместе, а на каток пойдем в воскресенье...

Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность Наталье Федоровне вернуться к любимой музыке. Много сил отдала она развитию детского музыкального образования в Москве. Наталья Федоровна долгие годы была бессменным директором детской музыкальной школы Замоскворецкого района столицы, воспитала много талантливых музыкантов. Она умерла в глубокой старости, окру-

женная любовью и уважением своих детей, внуков и многочисленных учеников.

После смерти матери Евгений Виргильевич принялся как-то разбирать ящики ее письменного стола. Среди музыкальных пьес «Детского альбома» П. И. Чайковского, этюдов Черни, сонат Бетховена, тетрадей с нотными диктантами, лежавших в среднем большом ящике, Евгений Виргильевич увидел общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке. Он открыл ее и на первом листе прочитал надпись, сделанную рукой матери: «О моих детях».

— Я долго не решался открыть эту тетрадь, — рассказывает Евгений Виргильевич. — Но потом я все же открыл ее и прочел...

В эту тетрадь Наталья Федоровна заносила свои наблюдения над детьми, и особенно над младшим, Женей, делилась мыслями о характере каждого ребенка, переписывала понравившиеся ей высказывания писателей о воспитании.

Вот некоторые записи из этой тетради.

«7.VII.1915 года.

Я очень рада, что Женя поборол в себе страх. Вообще-то он смелый мальчик, не боится воды, далеко заплывает, один ходит в лес. А вот выйти из дома, когда на улице наступает темнота, боится. Даже здесь, в деревне, где мы вот уже целый месяц отдыхаем, Женя не любит выходить вечерами из избы. Недавно, когда мы собирались ложиться спать, где-то неподалеку от дома раздался крик. Женя бросился к окошку, но в темноте ничего не было видно. Крик повторился, и мальчик бросился из дома. Я побежала за ним. Раздался плеск воды, и я поняла, что Женя бросился в воду. Когда я добежала до пруда, мальчик сидел на берегу и отжимал мокрую рубашку. Крик птицы он принял за плач ребенка и, не раздумывая, побежал на помощь.

Когда мы возвращались назад, Женя смущенно проговорил:

— Ты извини меня, мама, я заставил тебя волноваться... Я быстро убежал из дома...

— И темноты не испугался?

Сын уловил в моем голосе иронию и спокойно ответил:

— Я как-то забыл о ней... Ведь плакал ребенок, мне казалось, что он тонет...»

«18.IX.1916 года.

Сегодня Женя пришел из училища с большой шишкой на лбу, курточка в пыли, пуговицы вырваны «с мясом». Хорошее начало учебного года... Сначала я было хотела наброситься на него с упреками, поругать за грязную куртку, напомнить о нашей трудной жизни, но сдержалась и промолчала.

— Мама,— обратился ко мне Женя,— у меня могут быть в училище неприятности... Может быть, тебя вызовет директор...

— Что случилось? — с тревогой спросила я.

— Понимаешь,— волнуясь, начал Женя,— сегодня у нас в классе произошла гнусная история. У сына нашего математика, Жорки Гаврилова, пропал кошелек. На большой перемене он побежал в учительскую к отцу, тот ворвался в класс и учинил повальный обыск, заставляя нас всех выворачивать карманы. Это было так стыдно, мама... Я, конечно, отказался. Меня заподозрили в воровстве,— тихо проговорил Женя, закусив от волнения губу.— Ну, а после уроков нашли вора. Им оказался ученик параллельного класса, который во время дежурства обшаривал все парты. Я потребовал, чтобы Жорка при всем классе извинился. Он отказался, и тогда я ударил его. Ну, и началась драка! А потом Жорка все же попросил у меня прощения...

Может быть, все это и не так уж важно и писать-то об этом не стоило. Но мне кажется, там, где идет речь о детях, все важно. И я рада, что Женя дорожит своей честью, что он сумел постоять за себя и за своих товарищей. Хорошо, что я, Лева и Вера часто говорим ему об отце. Вот и недавно я рассказала Жене о знаменитом судебном процессе, состоявшемся в начале века на Прохоровских рудниках неподалеку от Юзовки, в котором в качестве адвоката участвовал Марат. Бесстрашно и смело выступив на суде против шахтовладельцев, он добился смягчающего приговора для рабочих

и шахтеров, организаторов забастовки. Женя слушал внимательно, с интересом. Видимо, мои рассказы об отце дороги ему и западают в душу».

Когда Жене исполнилось 12 лет, Наталья Федоровна переписала в свою тетрадь письмо А. И. Герцена к старшему сыну. Приводим его полностью, как оно записано в тетради Натальи Федоровны:

«Любезный Саша, тебе через пять дней будет двенадцать лет. Поздравляю тебя, мой друг, ты становишься все больше и больше человеком. Пора тебе продолжать начатое мною: я сам был по тринадцатому году, когда пошел по трудной дороге, и вот двадцать пять лет шел по ней; ни тюрьма, ни ссылка, ни даже вы все не отклонили меня, я служил на пользу России словом и делом...»

«Как хорошо сказано! — комментирует эти слова Наталья Федоровна. — Если бы был жив Марат, он, наверное, сказал бы сыну то же самое, только по-своему, другими словами».

В трудное и суровое время революции, когда Наталья Федоровна была занята работой в Наркомпро-се, она и тогда находила время для своих записей. В январе 1918 года она писала:

«Сейчас, когда в нашей стране свершилась Революция, о которой мечтал и за которую боролся Марат, я очень рада, что Женя воспринял ее как свое кровное дело. Вместе с товарищами, такими же двенадцатилетними мальчишками, он с радостью выполняет многие поручения рабочих нашего района и однажды даже дежурил ночью на фабрике».

...Возможно, подумалось мне при чтении записей Натальи Федоровны, что сегодня они кое-кому покажутся недостаточно глубокими. Меня же записи Натальи Федоровны глубоко тронули своей искренностью, взволновали высокой ответственностью за судьбу детей. В них есть главное — забота и тревога о своих детях, об их будущем. В трудное время, зарабатывая на жизнь, не прекращая партийной работы,

Натаалья Федоровна постоянно думала о детях, о том, чтобы они выросли настоящими людьми, достойными памяти Марата.

Словно продолжая мои раздумья, Евгений Виргильевич говорит:

— Я бесконечно благодарен маме за заботу, за мужество, за доброту, за память об отце, за то, что она передала мне отцовскую любовь и его увлечение далекой сибирской землей.

Страстной мечтой Виргилия Леоновича Шанцера было преобразование Сибири. Не единожды сосланный туда, Виргилий Леонович имел возможность узнать и полюбить прекрасную сибирскую землю, превращенную царизмом в край изгнания, горя и страданий. Марат не раз говорил близким друзьям: «Мать у меня француженка, отец — немец, а я — русский». Родившийся в России, он навсегда полюбил эту страну. Русский язык стал родным, русские писатели были властителями его дум. Марат мечтал после победы революции приехать в Сибирь свободным человеком и навсегда остаться работать на этой земле.

Сосланный в таежное сибирское село Богучаны, Марат писал:

«Богатства тут валяются прямо под ногами, но некому нагнуться, чтобы поднять их. Глушь, дикость, суеверия, болезни... Леса здесь такие, что любое европейское государство сделало бы их источником национального богатства... Боже мой, когда настанут на Руси времена сознательного и бережного отношения к сокровищам земли! Я бы хотел дожить до тех дней и по доброй воле вернулся бы в Сибирь...»

...Прошло шестьдесят лет. Талым весенним утром 1967 года таежные Богучаны, куда по воле царских властей был когда-то сослан революционер Марат, огласились громкими голосами геологов, инженеров, гидрологов, строителей. Неподалеку от этого села, там, где Ангара впадает в Енисей, началось строительство Богучанской гидроэлектростанции мощностью 4 миллиона киловатт. Она станет центром большого индустриального района. Неподалеку от Богучан будут построены алюминиевый завод, пред-

приятия по обработке дерева, здесь вырастет новый город.

Марат не дожил до этих лет. Но в Сибирь вернулись его сын и внуки.

Любовь отца к Сибири, его увлечение далеким суровым Севером, с бескрайними просторами, таежными лесами, бурными реками, готовность к трудным дорогам передались от отца к сыну. В его душу глубоко запали и рассказы матери — она тоже восхищалась красотой этого края, смелыми и мужественными людьми.

После окончания Московского геологического института Евгений Шанцер посвятил себя научной работе. Он пешком исходил все Забайкалье, Северо-Восточную Сибирь, побывал на Индигирке, посетил места, где в ссылке жили родители и он сам, будучи полуторагодовалым ребенком.

— Геология — прекрасная профессия, — говорит Евгений Виргильевич. — Геолог, в сущности, разведчик. И, как в каждой разведке, в геологии так же приходится сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами и случайностями. Однажды я попал в беду. Переплывая таежное озеро, нечаянно уронил в воду мешок с продовольствием. С трудом выбравшись из ледяной воды, я с горечью обнаружил, что вместе с мешком на дно озера ушел и мой компас. Спускалась ночь, очень хотелось есть. Как быть? Что делать? Для безопасности забрался на развесистое густое дерево и переночевал там. А утром меня охватило отчаяние. Один в тайге, без еды, без карт и компаса... И тут я вспомнил отца, его побег из туруканской ссылки. Несколько дней шел он по тайге, питался одними ягодами, переплыл на утлом суденышке бурную Ангару и дошел до железнодорожной станции. Воспоминания об отце помогли мне обрести спокойствие. Я как-то внутренне подтянулся, собрался и, ориентируясь по солнцу, некоторое время спустя добрался до небольшого таежного села...

В годы Великой Отечественной войны молодому ученому пришлось прервать научные занятия: он ушел на фронт. После победы Евгений Виргильевич вновь вернулся к научной деятельности.

Евгений Виргильевич Шанцер — профессор, доктор геолого-минералогических наук, один из круп-

нейших советских специалистов по четвертичным отложениям земли, участник международных конгрессов, симпозиумов, научных встреч.

...Несколько лет назад в «Правде» была напечатана фотография. Она запечатлела группу отважных людей, взбиравшихся на огнедышащий кратер вулкана. Это были советские геологи, и среди них — геолог Алексей Шанцер, сын Евгения Виргильевича, внук Марата.

Со школьных лет Евгений Виргильевич брал Алешу с собой в экспедиции, в поисковые партии. Вместе со взрослыми мальчик бродил по тайге, по труднопроходимым местам Сибири и Дальнего Востока. Там Алеша увидел и понял, что овечный романтикой труд геолога — это повседневная тяжелая, а порой и опасная работа. Однако выбор был сделан. После окончания школы — институт геологии.

Ныне молодой геолог кандидат наук Алексей Евгеньевич Шанцер работает в Институте вулканологии в Петропавловске-Камчатском.

Верность вот уже третьего поколения Шанцеров Сибири — символ живой, неразрывной связи поколений, их преемственности.

Три человека.

Три жизни.

Три судьбы.

Первый с начала века участвовал в борьбе с царским самодержавием.

Второй защищал Родину и власть Советов в годы Великой Отечественной войны.

Третий продолжает дело отца и деда, является активным участником сегодняшней борьбы за экономическое могущество нашей Родины, за освоение несметных сокровищ Сибири и Дальнего Востока.

Есть у Марата и внучка. Слегка переименовав имя деда, девочку в его честь называли Виргинией. После окончания Московского государственного института иностранных языков имени Мориса Тореза Виргиния Шанцер попросила государственную комиссию послать ее работать на Север. Несколько лет пробыла девушка на кольской земле, в городе Мончегорске. В вечерней школе Виргиния Шанцер преподава-

ла молодым строителям, искателям, оленеводам немецкий и английский языки.

Алексей Максимович Горький, знавший и любивший Virgiliya Leonovicha Shantsera, писал одному из участников событий 1905 года, старому большевику, известному литературоведу В. А. Десницкому: «Вы могли бы многое рассказать о Шанцере — Марате... А помнить о нем юношеству необходимо».

— Я очень благодарен Алексею Максимовичу за его добрую память об отце,— говорит Евгений Virgilevich.— Каждый, кто хочет узнать о жизни и борьбе русского Марата, может теперь прочесть о нем книги. Наиболее полно о В. Л. Шанцере рассказали в своей документальной повести «Русский Марат» Б. Костюковский и С. Табачников. Здесь же мне хотелось остановиться на другом. Я думаю, что пример нашей семьи наглядно показывает, как права мать, воспитывающая детей на примере жизни отца, хранящая святой огонь памяти о нем.

Чтобы понять, какую роль занимают детские годы в жизни человека,— продолжает Евгений Virgilevich,— я, как геолог, сравнил бы их с пластами земли. Годы оставляют свои напластования в человеческой душе. Слои детства лежат глубоко, но именно они основа человеческого характера, именно от них во многом зависит дальнейшая судьба человека.

РАБОЧАЯ ВЫУЧКА

...Его имя еще при жизни было воспето в бессмертной поэме В. Маяковского «Хорошо!»:

До рассвета
осталось
не больше аршина,—
Руки
лучей
с востока взмóлены.
Товарищ Подвойский
сел в машину,
сказал устало:
«Кончено...
в Смольный...»

В Смольном Николай Ильич Подвойский достал из кармана часы и показал их Владимиру Ильичу Ленину. Стрелки часов были остановлены в то самое мгновение, когда под сводами Зимнего дворца раздались исторические слова:

— Временное правительство считаю низложенным!

Наступило утро 26 октября 1917 года. Первое утро Советской России.

Председатель Военно-революционного комитета в октябрьские дни, один из организаторов Красной Армии, начальник Всевобуча, Николай Ильич Подвойский не любил перечислять должности, которые ему приходилось занимать. Он настоял, чтобы в его партийном билете № 199191, в графе «социальное происхождение», было написано: «Солдат революции». Считал, что более почетного звания для большевика, начавшего свой революционный путь в подполье, быть не может.

Как и многие другие большевики его поколения, Николай Ильич Подвойский ушел в революцию смелоду. Он хорошо понимал, что на этом пути будут аресты, ссылки, эмиграция. А быть может, и гибель. Поэтому он не раз спрашивал себя: имеет ли он право на личное счастье? Может ли создать семью?

...Майским солнечным утром 1905 года рабочие Ярославской Большой мануфактуры и железнодорожных мастерских нелегально собрались на первомайскую маевку в лесу неподалеку от города. При-

шел сюда и молодой революционер Николай Подвойский, который вел пропагандистскую работу среди пролетариев Ярославля.

На поляне, окруженной густым березняком, Николай Ильич увидел среди рабочих стройную светловолосую девушку. Он обратил внимание на то, что рабочие почтительно, с подчеркнутым уважением относились к девушке, называли ее «товарищ Нина». В конце маевки, когда последний оратор закончил свою речь, Нина высоко подняла над собравшимися вокруг нее рабочими красное знамя, и все дружно запели «Марсельезу».

Совсем юной гимназисткой Нина твердо решила посвятить свою жизнь революционной борьбе за освобождение трудового человека. До нас дошла запись, сделанная шестнадцатилетней гимназисткой в дневнике:

«Теперь рабочий — наш брат. Я иду в твои ряды, как солдат, неопытный в бою, как солдат, я приношу клятву служить верой и правдой твоему святому делу».

Этой клятве, энтузиазму юности Нина Августовна оставалась верна всю жизнь. Она стала опытной подпольщицей, членом ярославской партийной организации, затем активной участницей революции.

Николай Ильич Подвойский полюбил Нину Августовну, как говорится, с первого взгляда, и девушка ответила ему взаимностью. Они поженились и через всю жизнь прошли верными боевыми товарищами. Они любили друг друга, отношения между ними были поистине благородными. Их навсегда связала совместная борьба, единство убеждений и жизненной цели, которую они видели в постоянном и верном служении революции.

На двадцать пятом году совместной жизни Николай Ильич прислал Нине Августовне письмо, в котором писал:

«Лучше, милей, чище, сильней, святей я не знаю жены, матери, друга, товарища. Ты всегда передо мной стоишь такой, какой стояла тогда, когда развевала красное знамя на массовке 1 мая 1905 года в лесу около Ярославля... Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю снизу высоко, высоко на греющее солнце...»

Как же надо было любить женщину, чтобы после многих совместно прожитых лет, уже в канун серебряной свадьбы, сделать ей такое признание! Сколько в нем восхищения, поистине романтической, почти юношеской влюбленности!

У Николая Ильича и Нины Августовны родилось шестеро детей. Две девочки умерли совсем маленькими. Остались три девочки и один сын. Дети росли, все яростней проявляли свой индивидуальный характер, личные наклонности и привычки.

Старшая, Ольга, которую в честь героини известной повести А. А. Куприна звали Олесей, в детстве долго жила в деревне. Она тонко чувствовала природу, любила лес, цветы, была музыкально одарена. Ей сизмальства пророчили будущность талантливой пианистки. Сын Лев, способный мальчик, всегда был необычайно активен, увлекался общественной работой. Впоследствии он стал одним из первых пионеров нашей страны. Третьим ребенком была дочка Лида. В семье ее очень любили.

— Эта девочка, — говорила Нина Августовна, — обладает каким-то обостренным чувством справедливости.

У Лиды рано проявилась большая сила воли и способность оказывать влияние на сестер и брата. «Лидочка — это совесть семьи», — говорили о ней родители.

Младшая — Нина — росла веселой, жизнерадостной, очень общительной девочкой. У нее всегда было много подруг и друзей.

Различие характеров не мешало, однако, сестрам и брату быть близкими духовно. Высшим авторитетом для всех детей были отец и мать.

Занятый важными государственными и партийными делами, Николай Ильич Подвойский считал не менее важным и ответственным звание отца и воспитателя. Где бы ни находился Николай Ильич — на фронте гражданской войны или на работе в Узбекистане, куда направила его партия руководить сбором хлопка, на Урале, где он налаживал подготовку инженерных кадров, или за границей на лечении, — он всегда в письмах к жене много и обстоятельно пишет о детях.

В одном из писем, датированном 1924 годом, Ни-

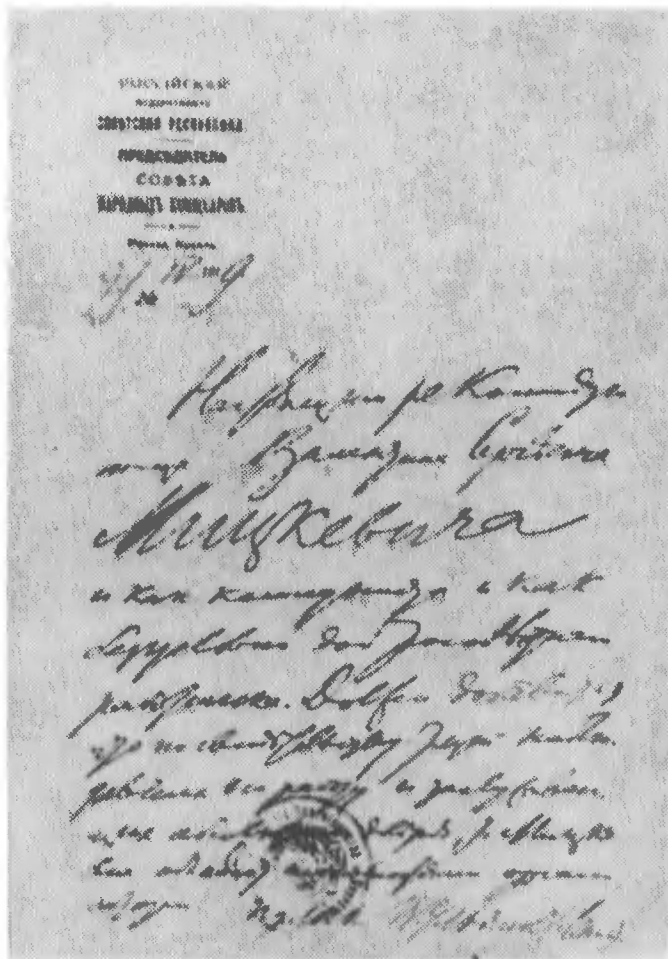
**Сергей Иванович Мицкевич.
1927 год.**

**Олимпиада Николаевна
Мицкевич. 1911 год.**

**Валентин Мицкевич.
1918 год.**

**Рекомендация В. И. Ленина
Валентину Мицкевичу.
1919 год.**

Виргилий Леонович Шанцер.

Семья Подвойских.
В первом ряду слева направо: Николай Ильич, Нина, Нина
Августовна. Во втором ряду слева направо: Олеся, Лева,
Лида.

**Николай Ильич
и Нина Августовна
Подвойские.
1947 год.**

Михаил Сергеевич Кедров.

**Ольга Августовна Кедрова.
1925 год.**

**Бонифатий Михайлович
Кедров.
1955 год.**

Игорь Кедров. 1920 год.

Сильва Кедрова. 1939 год.

**Артур Артузов —
племянник Кедровых.**

**Сергей Сергеевич Каменев.
1930 год.**

С. С. Каменев с дочерью Наташей и женой Варварой Федоровной.

**Александр Дмитриевич
Цюрупа.**

**Мария Петровна Цюрупа.
1921 год.**

**Дмитрий — старший сын
А. Д. Цюрупы. 1939 год.**

Петр Цюрупа. 1938 год.

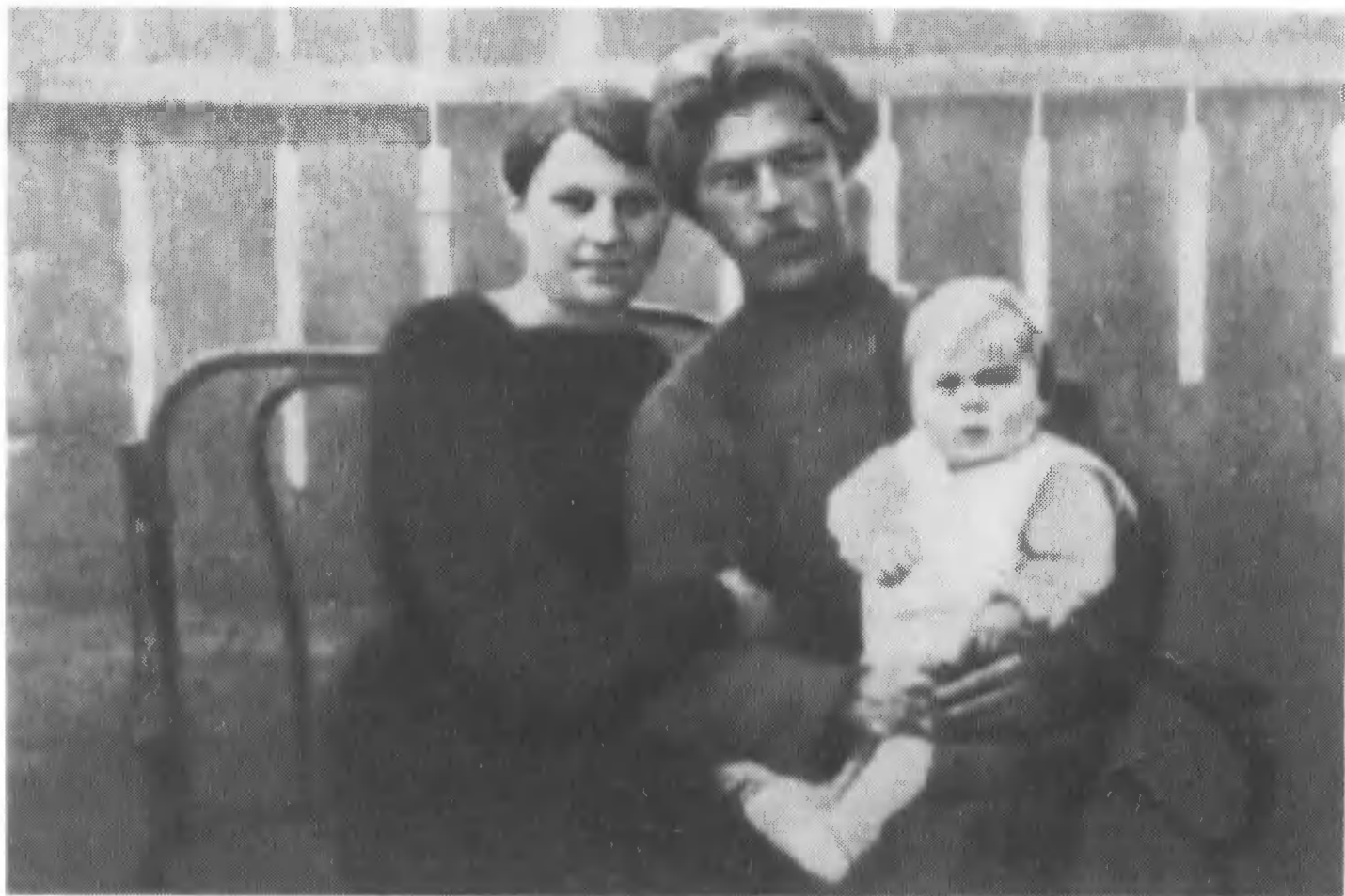
Виктор Павлович Ногин.

**В. П. Ногин
с сыном Владимиром
по возвращении из верхоян-
ской ссылки.
Саратов. 1914 год.**

**Слева направо: Н. А. Семашко, племянник Борис Семашко,
сын Сергей. 1923 год.**

**Павел Петрович Постышев с женой Татьяной Семеновной
Постоловской и сыном Леонидом. 1921 год.**

П. П. Постышев с сыном Леонидом. 1936 год.

колай Ильич признался Нине Августовне в том, что он всегда «горячо, но как-то «стихийно» любил детей, и только она научила его серьезно думать об их воспитании».

Нина Августовна была уже матерью подросших детей, когда в 1927 году, находясь на отдыхе в Крыму, записала в своем дневнике:

«Вспомнились почему-то наши споры с Николаем о воспитании детей. Сделала вывод: воспитание закладывает в человеке с детства тот фундамент, на который он будет опираться всю жизнь. А воспитание есть руководство старшего ребенком, показание ему примером того опыта, который достигли родители. Я упрямо стою на том, что родители (оба) обязаны перед человечеством ради его прогресса воспитывать детей своих, передавая им опыт своей жизни».

Горячо любя своих детей, заботясь об их здоровье, следя за учебой в школе, Нина Августовна и Николай Ильич не упускали из виду главного. Они стремились воспитать дочерей и сына честными гражданами, убежденными борцами, всегда имеющими перед собой великую цель. Родители не сводили воспитание к голым декларациям, высокопарным лозунгам, они старались использовать опыт лично пережитого. В доступных для детского возраста понятиях Николай Ильич и Нина Августовна рано объяснили детям цель своей жизни, рассказали, во имя чего они боролись.

Спустя несколько дней после Февральской революции 1917 года, свергнувшей царя и раскрывшей двери тюрем, из печально знаменитых «Крестов» на свободу вышел Николай Ильич Подвойский.

На другой день после возвращения мужа Нина Августовна потеплее одела ребят и отправилась с ними на Выборгскую сторону, туда, где находилась тюрьма. Теперь ворота ее были раскрыты настежь. Нина Августовна вошла с детьми на тюремный двор, потом в само здание, провела их узким мрачным коридором и остановилась перед одной из тюремных камер, сырой, темной, с холодным каменным полом.

— Помните, дети, хорошенько эту камеру,— сказала тихо Нина Августовна.— Здесь сидел ваш отец. Один, отрезанный от всего мира...

Олеся и Лева пугливо прижались к матери.

— Не бойтесь! Будьте смелыми, — подбодрила их Нина Августовна. — И, как ваш отец, всегда стойте за правду!

Тот день навсегда остался в памяти старших детей Подвойских.

Гражданская война, участником которой был Николай Ильич, сильно подорвала его здоровье. Тяжело болели и дети Подвойских. Восемилетний Лева почти всю войну провел вместе с отцом на фронте, изведав все тяготы военной жизни. Девочки вместе с матерью жили поначалу в Питере, а потом в Москве. Они очень нуждались, голодали вместе со всей страной. В результате перенесенных лишений у Левы развился туберкулез легких, у Лиды — ревматизм, Олеся долго болела цингой. Серьезно заболел и Николай Ильич. Поэтому после окончания гражданской войны его в 1922 году отправили на лечение в Германию. Вместе с ним поехала и Нина Августовна с больным Левой.

Они поселились в небольшом курортном городке. Публика тут собралась бюргерская, денежная. Подвойские обычно держались в стороне от нее, но, будучи любителями классической музыки, изредка посещали концерты — в курзале играл симфонический оркестр.

Однажды, когда Николай Ильич из-за недомогания решил остаться дома, Нина Августовна одна повела на концерт сына.

Едва успели они занять свои места, как оркестр заиграл старый шовинистический гимн «Deutschland, Deutschland über alles!» («Германия, Германия превыше всего!»). Немецкие бюргеры как по команде поднялись со своих мест и застыли в верноподданническом подобострастии. Нина Августовна и Лева остались сидеть. Бюргерам это не понравилось, они злобно шипели, с ненавистью смотрели на мать и сына.

Тогда Нина Августовна поднялась и на глазах у всех направилась к выходу. Леве стало страшно от колючих взглядов и ругательств, которые неслись им вслед.

— Неудобно, мама,— зашептал он.— Давай останемся...

— А это удобно? — ответила Нина Августовна на немецком языке, и так, чтобы все услышали.— В республиканской стране петь монархический, прославляющий национализм гимн! Пусть им будет стыдно!

Сын все понял и восхитился поступком своей матери.

Настал день, когда и он сумел показать свое бесстрашие и принципиальность.

Как уже упоминалось, Лева Подвойский был одним из первых пионеров в нашей стране. Он очень гордился, когда на торжественном сборе ему повязали красный галстук. Школа, где учился Лева, находилась неподалеку от Арбатской площади. В то время там размещался большой рынок, где еще хозяйничали нэпманы — спекулянты и торгаши. Они с ненавистью поглядывали на ребят, шагавших в красных галстуках. Нередки были случаи, когда они настраивали на пионеров беспризорников, слонявшихся по рынку.

Однажды осенним холодным утром Лева вместе с товарищем, сыном кочегара Женей Трусевичем, спешил в школу. День был ветреный, но ребята распахнули свои пальто, чтобы все видели их алые пионерские галстуки. Они были уже во дворе школы, когда вместе с ватагой беспризорников на них налетел здоровенный парень, гроза арбатских ребят. Не говоря ни слова, он схватил Женю за галстук.

— Не смей! — закричал Лева и так толкнул парня, что тот едва удержался на ногах.

Началась драка.

«Мы отчаянно защищались,— рассказывает Лев Николаевич Подвойский в своей книге «Пионерские были»,— но силы были неравные. Вот уже хулиганы крепко держат нас за руки. Еще немного — и красные галстуки будут сорваны, брошены в грязь. А поодаль в молчании стоят школьники. Многие из них сочувствуют нам, но боятся и поэтому соблюдают нейтралитет.

— Ребята! — звенящим голосом крикнул вдруг Женька.— У кого отец и мать коммунисты? У кого брат комсомолец? На помощь!

Из школы выбежали комсомольцы, а с ними и учитель, старый большевик. Хулиганы бросились наутек. Пионерские галстуки, а вместе с ними и честь пионеров были спасены».

Двенадцатилетний Лева Подвойский выдержал первый бой и не посрамил пионерскую честь.

В системе воспитания детей Подвойские отводили большое место труду. Дети видели, что, как бы ни была занята мать — Нина Августовна работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК партии, участвовала в подготовке издания произведений В. И. Ленина, — она ни на чьи плечи не перекладывала заботу о домашнем хозяйстве: сама стирала, штопала, обшивала большую семью.

Когда дети подросли, родители стали их учить самостоятельно обслуживать себя, помогать по дому: они убирали квартиру, мыли пол, готовили обед. Дети рано научились чувствовать себя ответственными за порядок в доме. Нина Августовна настойчиво внушала им:

— Всегда помните, что коммунист должен быть в одно и то же время интеллигентом и рабочим. Вы родились в семье интеллигентов и поэтому должны приложить все силы к тому, чтобы уметь соединить интеллигентность с физическим трудом.

О том, как внимательно Подвойские следили за воспитанием трудовых навыков своих детей, свидетельствуют многочисленные письменные «указания» Николая Ильича, которые хранятся в архиве семьи.

Возможно, тон некоторых записок покажется теперь несколько категоричным. Но надо помнить, что в семье Подвойских это шло не от душевной черствости и сухости, а от строгой требовательности, в которой отразился дух времени.

«Лева! — писал в одной из своих записок отец. — Ты не пролетарский, не советский юноша. Неужели тебя привлекает поведение... мещанской богемы? Шатаешься, как беспутный, бесплановый белоподкладочник царского времени. Неужели ты думаешь, что беспутным бродяжничеством можно делать Ленинское дело? Прочитай, как Ленин строил свою жизнь и свои дела...»

С таких вот высоких и принципиальных позиций исходил отец, разговаривая с сыном.

В другой записке, адресованной сыну, Николай Ильич продолжает ту же линию, но уже более конкретно:

«Лева!

1. Ты не протер ни вчера, ни сегодня суконкой своей комнаты. Не стер тряпкой пыли с этажерки, стола и подоконника.

2. Стол и этажерку не привел в порядок.

3. На диване разбросана одежда.

4. Не разобрал, не проветрил, не сложил привезенные из лагеря вещи.

5. Не составил расписания часов своей работы до отъезда в лагерь.

Эту и другие записки с напоминаниями после исполнения возврати мне. *Папа*».

Готовя детей к жизни, Николай Ильич и Нина Августовна хотели, чтобы дети прошли настоящую трудовую школу. Такой школой, по мнению Подвойских, являлось производство, рабочий коллектив.

«Помните, дети мои,— писал Николай Ильич,— что Россия создается теперь нами. Каждый камешек, который кто-либо из нас положит в ту или другую область великого общественного строительства России, будет памятником величайшей эпохе, в которую достаиваемся жить, и тому, кто положил камень сообща с другими».

Все дети Подвойских после окончания школы работали на заводе. В заводских цехах они выросли духовно, закалили характер, научились ценить дружбу, ощутили чувство локтя. На производстве они получили путевку в большую жизнь.

Первой пошла на завод старшая дочь Подвойских — Олеся. Окончив в 1924 году девятилетку, она поступила ученицей фрезеровщика на завод «Дукс». Желая помочь дочери поступить на производство, Николай Ильич написал в райком комсомола письмо. Однако Олеся принципиально не захотела воспользоваться этим письмом и поступила на завод без папиной «протекции», а письмо это так и осталось лежать в архиве семьи Подвойских.

«Дорогие товарищи! — писал Николай Ильич Замоскворецкому райкому комсомола. — Помогите мне

сделать так, чтобы моя дочь Олеся спаялась с рабочей массой в труде, учебе и пролетарском воспитании. Я нахожу, что для юношества, для его закала в борьбе... действительной школой еще долгое время будет фабрика и завод. Моя дочь пришла к такому же выводу... Школа посылает ее в вуз. Но она решила пройти ту школу, которая выкует из нее действительно сильного, непоколебимого, горячо любящего рабочую жизнь и борьбу кузнеца.

Если можно, помогите ей стать к машине в типографии или на металлообрабатывающем заводе...»

Олеся Подвойская стала лучшей фрезеровщицей завода, вступила там в партию и с завода ушла в институт. Успешно окончив Московский институт цветных металлов, Ольга Николаевна Подвойская получила диплом инженера.

Всю войну она работала на оборонном заводе, участвовала в создании новых советских самолетов. Ольга Николаевна и теперь, несмотря на пенсионный возраст, продолжает работать. За успешное выполнение восьмого пятилетнего плана Ольга Николаевна Подвойская была награждена орденом Октябрьской Революции.

— Вспоминая детство, нашу семью, своих родителей,— рассказывает Ольга Николаевна,— я бесконечно благодарна отцу за то, что начала свою трудовую жизнь рабочим человеком. Для меня это стало стержнем всей дальнейшей жизни... Можно много и красиво говорить о труде, но если ты сам, своими руками никогда не сделал ни одной детали, ни разу не выточил ни одной гайки, не посадил ни одного дерева, все красивые слова о труде будут отскакивать как горох от стенки. И еще,— подчеркивает Ольга Николаевна,— папа приучал нас к терпению. Помню, мы как-то заговорили с ним о великом физике Исааке Ньютоне. Папе очень понравился ответ ученого, который на вопрос, в чем заключается его гениальность, ответил: «Вся моя гениальность заключается в том, что я могу больше других высидеть за столом...»

Находясь в очередной командировке, папа прислал мне письмо, в котором напомнил этот ответ ученого.

«...Я пришел к заключению, — писал отец, — что это так и есть на самом деле. Посмотри: когда я хочу написать хорошую статью, я сижу, корплю над нею долго, десятки раз переделываю, сотни раз перестраиваю план... Если я так потружусь, статья получается хорошей... То же самое случается и тогда, когда ты делаешь замок, чертишь чертеж, играешь пьесу на рояле... Сперва у тебя получается аляповатое творение, но по мере того, как ты углубляешься в работу, изучаешь и исправляешь ошибки, твоё творение получается все совершеннее и совершеннее. Помни, Олеся, твой гений — это твой труд и умение работать». Подписался он так: «Папа, все время следящий за своей дочкой».

Это письмо, — говорит Ольга Николаевна, — удивительно точно передает отношение отца к труду, хотя в нем и содержатся некоторые преувеличения. Папа писал хорошие статьи и, конечно, по сто раз он их не переделывал. Тем не менее серьезное и ответственное отношение к порученному делу было его отличительной чертой. Характерна для него и эта последняя строчка письма. Отец действительно всегда следил за моим воспитанием, так же как и за поведением и поступками младших дочерей и сына...

Вслед за старшей сестрой пошли на завод учиться рабочим специальностям и две младших: Лида — на автомобильный завод «АМО», Нина — на «Красный пролетарий». Там девушки изучали слесарное дело, потом стали станочницами.

Двадцать пять лет работал на заводе и сын Подвойских Лев Николаевич. Окончив рабфак, он поступил в Высшее техническое училище имени Баумана и уже инженером пришел на завод «Серп и молот», работал в мартеновском цехе. На заводе же Лев Подвойский защитил кандидатскую диссертацию.

Начав свой трудовой путь на производстве, впоследствии все дети Подвойских получили высшее образование. Олеся и Лева стали инженерами, Нина — историком, Лида — медицинским работником. Но до сих пор они вспоминают годы, проведенные в заводском цехе, у станка, с чувством большой благодарности.

— Рабочую выучку мы расцениваем как самую полезную в нашей трудовой и общественной деятель-

ности,— говорил Лев Николаевич Подвойский.— До конца своих дней наш отец считал, что быть рабочим очень почетно. Рассказывая нам о днях своей молодости, родители с большим уважением вспоминали ярославских рабочих, называли их своими лучшими учителями. Отец тридцать лет состоял на партийном учете на прославленной «Трехгорке», активно участвуя в общественной и партийной жизни предприятия, тесно связанный с его коллективом.

Ко мне часто обращаются девушки и юноши, спрашивают:

— С чего начинать жизнь?

Не задумываясь, я отвечаю им так, как ответил и своему сыну Глебу:

— Идите на завод, начинайте жизнь рядовыми рабочими, и вы никогда не пожалеете об этом...

Шли годы, семейная партиячка Подвойских начала пополняться новыми членами: коммунистами стали Олеся, Лева, Лида, Нина.

Николай Ильич и Нина Августовна были счастливы: дело, которому они посвятили жизнь, стало кровным делом их детей, они переняли его как эстафету, добиваясь полного торжества идей Октября. Нина Августовна и Николай Ильич радовались каждой победе мирного труда, каждому новому продвижению страны вперед по пути социализма.

22 июня 1941 года началась война. Николай Ильич Подвойский решил немедленно уйти на фронт. Известно, что в годы гражданской войны он проявил себя способным военачальником. Как комиссар Красной Армии защищал Петроград от войск генерала Юденича. Партия поручала Н. И. Подвойскому организовать и возглавить всеобщее воинское обучение. Словом, у Николая Ильича был опыт, знания, и он считал своим долгом быть в рядах тех, кто встал на защиту Родины. Николай Ильич сразу же отправился в военкомат и потребовал, чтобы его послали на фронт. К тому времени, однако, ему было более шестидесяти лет. Николаю Ильичу предложили эвакуироваться. Он наотрез отказался, остался в Москве. Некоторое время спустя Николай Ильич вместе с трехгорцами строил оборонительные сооружения на подступах к столице. Он брался за самое трудное и не отставал от молодых. Его энтузиазм был заме-

чен. Военком района увидел этого пожилого человека, который не только ловко орудовал лопатой, но и давал дельные указания.

— Кто этот старый человек? — заинтересовался военком. — Как он попал сюда, на тяжелые строительные работы?

Николай Ильич вырвал из своей записной книжки листок и, словно рапорт, по команде передал посланцу военкома. «Я работаю по Всевобучу, — писал Николай Ильич, — и по организации обороны Москвы в общественном порядке в качестве члена партии. Я — персональный пенсионер. Н. Подвойский».

Воспитанные горячими патриотами Советской Родины, дети Подвойских встали на защиту завоеваний Великого Октября.

Лев и Лида Подвойские с первых дней войны находились на фронте. Отказавшись от брони, на которую Лев Николаевич имел право как специалист, он стал артиллеристом и отправился на фронт. Майор Л. Н. Подвойский прошел славный путь от Москвы до Берлина.

Лиду война застала на отдыхе в Крыму. Она немедленно вернулась в Москву, оставила учебу в Медицинском институте и добровольно ушла на фронт.

В своих воспоминаниях командир 3-й Московской коммунистической дивизии генерал-лейтенант Л. Клешин рассказывает: «В рядах нашей дивизии сражалась дочь старого большевика, сподвижника В. И. Ленина Н. И. Подвойского. Она была санинструктором. На вид хрупкая девушка, она ежедневно проявляла подлинное мужество. В мороз и в пургу, под дождем и в слякоть спешила она на помощь раненым, выносила их с поля боя. Она была зримым примером связи легендарного поколения старых большевиков с героической советской молодежью».

На Урале, сутками не покидая заводские цехи, работали две другие дочери Подвойских — Олеся и Нина.

— Там, где в 1905 и в 1917 годах стояли мама и я, там в грядущих битвах должны стоять Олеся, Лева, Лида и Нина, — говорил Николай Ильич Подвойский своим детям незадолго до начала войны.

Так оно и получилось.

Всю жизнь супруги Подвойские заботились о нравственном воспитании своих детей. В большом и малом, каждым своим шагом, каждым поступком и делом они старались быть для них примером.

Незадолго до смерти Николай Ильич сфотографировался с Ниной Августовной. На обороте фотографии родители сделали такую надпись:

«Дети! Всю сознательную жизнь мы стремились всеми силами служить своему народу, честным трудом и революционной борьбой оправдать великое звание членов большевистской партии. Мы были счастливы.

Идите этим верным путем, где найдете силу, радость, счастье».

ЖИТЬ НАДО БОРЦОМ

Отец всегда появлялся неожиданно.

Так было на даче под Москвой и на квартире в Петербурге, так же неожиданно приезжал он, бывало, и в село Ждани. И тогда не было на свете детей более счастливых, чем сыновья Михаила Сергеевича Кедрова.

...Сегодня именно такой радостный день, когда отец и мать дома. Можно взять за руку отца, можно крепко прижаться к маме. Отец — красивый; лицо его одухотворенно, он похож на артиста, у него длинные и тонкие пальцы пианиста. Мать — молода, изящна, всегда необычайно деятельна.

Дети знают: вечером к родителям придут в гости друзья. Они будут пить чай, говорить о забастовках и нелегальных квартирах, о явках... Потом тихо, вполголоса, начнут петь. Чаще всего они поют романс Даргомыжского на слова Лермонтова. Только последняя строчка в этом романсе изменена.

Не пылит дорога,
не дрожат листы,
Погоди немного —
Попадешь в «Кресты»...

Вместе со взрослыми, с отцом и матерью этот романс поет и старший сын Кедровых, семилетний Бонифатий. Он уже знает, что «Кресты» — это «государева тюрьма» в Петербурге, куда заключают людей, борющихся против царя, за свободу и справедливость.

По-разному складывалась жизнь в семьях большевиков до революции. В каждой семье по-своему устанавливались отношения между детьми и родителями. Одни не сразу раскрывали детям свою принадлежность к партии, другие, как это было в семье Кедровых, никогда не скрывали от сыновей свое участие в борьбе с самодержавием, свою принадлежность к большевистской партии.

Участник трех революций, впоследствии известный военачальник Красной Армии, один из первых советских чекистов и соратников Ф. Э. Дзержинского, Михаил Сергеевич Кедров до победы Октябрьской революции вел обычную жизнь большевика-подпольщика. Устраивал конспиративные явки, вел пропа-

ганду большевистских идей, готовил массы к революции. Сидел в тюрьме, томился в ссылке, уходил в эмиграцию...

Не раз бывало и так: за тюремной решеткой одновременно с Михаилом Сергеевичем оказывалась и Ольга Августовна, его жена и соратник по партии и совместной борьбе. Маленькие сыновья — Бонифатий, Юра и Игорь — знали: мать и отец сидят в тюрьме, потому что борются за правду и свободу для народа.

Михаил Сергеевич и Ольга Августовна страдали от того, что детство их сыновей было полно тревог, опасностей, неустроенности. Но они глушили в себе эту боль и никогда, ни разу не свернули с избранного пути. Они сумели внушить детям, что человек не может быть по-настоящему счастлив, если он равнодушен к горю и бедам других людей, если он закрывает глаза на страдания народа, что истинное назначение человека — борьба за справедливость, против зла и насилия, пока они существуют.

Почему Кедровы так поступали? Что заставляло их откровенно беседовать с детьми на эту серьезную тему, говорить со своими сыновьями об опасных делах?

Мне кажется, что причин было много. Поначалу Михаилу Сергеевичу и Ольге Августовне надо было просто объяснить своим ребятам, почему жандармы нередко врываются в квартиру, отчего отец часто не бывает дома. Старшему сыну Бонифатию было шесть лет, когда он увидел в руках матери конверт из плотной серой бумаги. На нем четко выделялся овальный фиолетовый штампель «государевой тюрьмы». Это было письмо от отца.

В квартире Кедровых время от времени появлялись какие-то таинственные люди. Они подолгу жили в семье. Этих людей тщательно скрывали от посторонних. Мальчишки — народ смысленый; они, конечно, догадывались, что с обычными гостями так не поступают. Значит, родители вынуждены были рано откровенно говорить с детьми. Это, видимо, диктовалось еще и желанием научить ребят лучше разбираться в жизни, стремлением отца и матери воспитать сыновей достойными людьми.

Михаил Сергеевич и Ольга Августовна рано от-

крыли своим детям глаза на то, что в жизни идет жестокая борьба между богатыми и бедными, что честный человек должен быть всегда на стороне обездоленных. Это необходимо было сделать еще и потому, что сама семья Кедровых не принадлежала к классу неимущих. Михаил Сергеевич по своему происхождению был дворянином. Став большевиком, он всю долю своего наследства передал в партийную кассу. Семья жила на его литературный заработок; жила скромно, но не бедно. Ольга Августовна и Михаил Сергеевич стремились с ранних лет привить своим сыновьям тревогу за тех, кто был голоден, кого оскорбляли и унижали. Этой тревогой жила лучшая часть русской интеллигенции, ею были пропитаны многие книги русских писателей, картины русских художников.

С глубоким волнением дети Кедровых заучивали наизусть слова поэта:

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первым там...

Михаил Сергеевич и Ольга Августовна хотели воспитать своих детей прежде всего борцами, людьми убежденными, преданными благородной идее служения народу. Они хотели, чтобы сыновья были их единомышленниками, чтобы дело родителей стало и делом детей.

Сыновьям Кедровых была знакома героическая биография отца. Они знали о его смелом, необычайно дерзком подкопе под баню Таганской тюрьмы, чтобы освободить Николая Эрнестовича Баумана. Мальчишкам было известно и о динамитных шашках, хранившихся под верандой на даче в Перловке. А в коридоре петербургской квартиры старший сын Бонифатий мог видеть аккуратно сложенные вдоль стены, еще пахнувшие типографской краской пачки книг. В пачках этих находились произведения В. И. Ленина.

На свои средства Михаилу Сергеевичу Кедрову в 1906 году удалось организовать издательство, которое печатало революционную литературу, в том числе и книги В. И. Ленина. Это было рискованное мероприятие. И все же часть книг удалось продать. Дру-

гую часть конфисковала царская полиция. Издатель был арестован и посажен в крепость.

По выходе из нее Михаил Сергеевич понял, что царская охранка теперь не оставит его в покое, и эмигрировал с семьей в Швейцарию. Там он прожил несколько лет.

Возвращаясь в 1916 году в Россию, Михаил Сергеевич обратился за помощью к старшему сыну. Дело было в том, что Михаил Сергеевич должен был провезти в Россию ряд важных материалов, переданных ему лично Владимиром Ильичем Лениным. Среди них была резолюция Кинтальской конференции, определявшая отношение большевиков к империалистической войне 1914 года.

Доставить такие важные материалы через границу было нелегко и непросто. Михаил Сергеевич знал, что его багаж наверняка вызовет особый интерес у царской охраны. Он не ошибался. Уже после Октября в архивах была найдена телеграмма, полученная шефом петербургских жандармов, в которой сообщалось: «На днях выехал в Петроград или Москву, возможно важным партийным поручением, проживающий в Лозанне большевик Кедров с женой и детьми. В случае приезда подвергнуть тщательному таможенному осмотру».

И все же важный документ, переданный Лениным, был доставлен в Россию и передан по нужному адресу.

Михаил Сергеевич, как опытный конспиратор, ловко заделал ленинский документ в подметку своего башмака. А вот адреса явок записывать на бумаге было рискованно. Их надо было заучить наизусть. И тогда Михаил Сергеевич обратился к двенадцатилетнему сыну:

— У тебя хорошая память; постарайся, пожалуйста, запомнить несколько важных адресов. Это конспиративные явки. Записанные на бумаге, они могут попасть в руки жандармов. Ты понимаешь, чем это грозит? И еще запомни: если на границе жандармы спросят у тебя, везем ли мы недозволенную литературу, ты твердо ответишь: нет, не везем...

Можно представить себе, что могли подумать дети о своих родителях, если бы не знали, ради чего они должны солгать. Ведь отец и мать никогда не обма-

нывали мальчишек, они постоянно учили их говорить только правду. Михаил Сергеевич и Ольга Августовна сумели объяснить своим сыновьям, во имя чего и против кого они ведут борьбу.

Многие годы спустя товарищи Михаила Сергеевича и Ольги Августовны, вспоминая времена подполья и борьбы, говорили, что кедровские мальчишки впитали революционную борьбу с молоком матери. И это была правда.

Михаил Сергеевич и Ольга Августовна были людьми высокой культуры, хорошо образованными. Они учили детей любить природу, книги, искусство. Сыновья с детства были приучены слушать и понимать хорошую музыку. Михаил Сергеевич прекрасно играл на рояле. Он был одаренным пианистом. Правда, подпольная работа помешала ему окончить Московскую консерваторию, где он успешно учился, но музыку он никогда не оставлял.

Даже в эмиграции — в Лозанне и Берне, когда семье Кедровых жилось совсем не легко, Михаил Сергеевич взял на прокат старенькое пианино и в свободное время садился к инструменту. Не проходило дня, чтобы в квартире не звучали страстные сонаты Бетховена, изящные мазурки Шопена, романтические пьесы Шумана и Шуберта. Под окнами кедровской квартиры нередко останавливались прохожие и устраивали талантливому пианисту настоящую овацию. Не раз выступал Михаил Сергеевич на платных концертах, сбор с которых полностью передавал в партийную кассу. Однажды в маленькую квартиру Кедровых пришел послушать игру Михаила Сергеевича Владимир Ильич Ленин.

Революционная деятельность Михаила Сергеевича и Ольги Августовны Кедровых вынуждала их переезжать с места на место. Это лишало детей возможности нормально посещать школу. С ними занимался отец. Он обучал сыновей русскому языку, математике, физике, естествознанию. Дети очень любили слушать его рассказы о природе.

До эмиграции семья Кедровых некоторое время жила у старшей сестры Ольги Августовны в селе Ждани Новгородской губернии. Здесь Михаил Сер-

геевич скрывался от ищеек царской охраны. Вокруг села были чудесные леса, куда он вместе с детьми нередко уходил на прогулки. Во время прогулок Михаил Сергеевич пользовался случаем, чтобы научить мальчишек многим полезным вещам: пользоваться компасом, определять по коре возраст деревьев, правильно разжигать костер, ориентироваться в лесу.

Михаил Сергеевич с юности интересовался медициной и естественными науками. Будучи взрослым, отцом семейства, получив юридическое образование, он решил серьезно заняться медициной и сумел окончить медицинский факультет в Лозанне и получить второй диплом — диплом врача.

Михаил Сергеевич часто рассказывал ребятам — своим сыновьям и племянникам, жившим в Ждани, о Чарлзе Роберте Дарвине, которого в знак почтения к великому английскому ученому называл полным именем. Никто из детей не читал еще книги Дарвина «Путешествие на корабле «Бигл»», и во время прогулок Михаил Сергеевич пересказывал им ее содержание. Воображение мальчишек тотчас уносилось вслед за великим ученым — в далекие австралийские прерии, на дикие острова Океании, в знойную пустыню Аравия, где изучал природу Чарлз Дарвин. Потом, следуя маршрутами Дарвина, они отправлялись на знаменитом парусном корабле «Бигл» в кругосветное путешествие...

— Это были захватывающие рассказы, — вспоминает старший сын М. С. Кедрова, Бонифатий Михайлович. — Характерно, что в этих рассказах отца на первый план выступали не научные изыскания Дарвина, открывшего закономерности развития в природе, а его нравственный подвиг во имя науки, его яростная и упорная борьба с реакционерами биологами, с церковными фанатиками... И как-то незаметно разговор начинал касаться подвига. Подвига человека — будь то подвиг борца, ученого, солдата.

— Что такое подвиг? — спрашивали мальчишки Михаила Сергеевича.

— Подвиги бывают разные. Дарвин совершил подвиг ученого. Русские революционеры, — объяснял Михаил Сергеевич, — тоже совершают подвиг. Они ведут полную опасности борьбу, чтобы уничтожить на земле зло, насилие, несправедливость. Подвиг заклю-

чается и в том, чтобы всегда оставаться верным своим убеждениям, уметь их отстаивать, бороться за них. Поняли? — спрашивал Михаил Сергеевич.

— Да, — не слишком уверенно отвечали мальчики.

— Взгрустнулось, что не можете подвиг совершить? — улыбаясь, спрашивал Михаил Сергеевич. — Броситься в огонь, спасти утопающего или открыть новый закон в науке? Но подвиг может быть и в том, чтобы в нужный момент помочь человеку, попавшему в беду, оказать ему всяческую поддержку...

Много лет спустя автору этих строк довелось убедиться в самоотверженности и душевной щедрости, которую семья Кедровых воспитала в своих детях.

В Московском университете я училась вместе с Сильвой Кедровой, дочерью Михаила Сергеевича. Она родилась после революции и была намного моложе своих братьев. Мы учились на историческом факультете, только специализировались по разным отраслям науки: я занималась историей славянских стран, а Сильва изучала философию Индии. Сдержанная, несколько замкнутая, Сильва многим казалась даже суховатой.

Однажды у нас на курсе случилась беда, по тем временам очень горькая: у одной студентки, жившей в общежитии, украли хлебную карточку. Шла война, и возместить такую потерю было совсем не легко. Лишнего хлеба ни у кого не было. Первой, кто протянул девушке талон от своей хлебной карточки, была Сильва Кедрова. На другой день такой же талон отдала другая студентка, потом третья, и так девушка продержалась до конца месяца, пока ей выдали новую продовольственную карточку.

Сильва жила тогда одна, родителей уже не было, старший брат Бонифатий находился в армии, ей, как и всем в годы войны, жилось трудно. Но «сработало» годами воспитанное в семье, почти инстинктивное стремление немедленно броситься на помощь тому, кто попал в беду. Сильве не потребовалось много времени на размышление, и, поделаясь с товарищем последним куском хлеба, она сделала это так искренне

и деликатно, что увлекла своим примером остальных.

После этого случая мы как-то теснее сблизились с Сильвой, и она чаще, доверительней рассказывала о своем отце, вспоминала о книгах, которые он советовал ей читать. Поторопившись, я спросила:

— Это были, наверное, «Овод», «Спартак», «Что делать?» Чернышевского?

— Отец, конечно, ценил эти книги, — ответила Сильва. — Он считал, например, что никто не имеет права пройти мимо романа Войнич. Но он называл наивными людьми тех, кто думал, что, прочитав «Овод» или роман Тургенева «Накануне», можно тут же стать убежденным борцом-революционером. Отец советовал мне обязательно читать Пушкина и Лермонтова, Достоевского и Толстого, Чехова и Герцена, Шекспира и Гете. Он был убежден, что из человека, которого не волнуют переживания Печорина, страдания Отелло, который равнодушен к судьбе Лизы Калитиной и Наташи Ростовской, ничего путного получиться не может...

Человек редкостной скромности и благородства, Михаил Сергеевич Кедров никогда не добивался ни для себя, ни для своих сыновей каких-либо особых привилегий, не искал для них легких путей.

Сыновья, помогавшие отцу еще детьми, стали впоследствии активными участниками великих преобразований в нашей стране.

Весной 1918 года бойцы Красной Армии вели борьбу против английских интервентов, высадившихся в районе Архангельска. Командующим войсками Северо-Восточного участка Западной Завесы был назначен М. С. Кедров. Штаб фронта размещался тогда в Вологде. Вместе с командующим в походном вагоне жил его тринадцатилетний сын Юра. Он служил у отца ординарцем и мужественно переносил все тяготы военного времени. Когда в городе начался голод, Михаил Сергеевич ввел для всех работников штаба твердую норму продовольствия. Вместе с жителями Вологды и бойцами командующий фронтом и его сын получали по 200 граммов хлеба в день.

— Режим один для всех! — говорил Михаил Сергеевич. — Суровый, голодный, но справедливый.

То был принцип жизни, норма поведения.

Совсем молодым начал сражаться с врагами Советской республики старший сын М. С. Кедрова — Бонифатий. Вместе с отцом, назначенным в 1919 году председателем Особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, Бонифатий Кедров участвовал в Петрограде в разгроме белогвардейских групп, укрывавшихся в зданиях иностранных миссий. В то время юному чекисту было всего пятнадцать лет. Он уже вступил в партию, работал помощником ответственного секретаря газеты «Правда» Марии Ильиничны Ульяновой. Затем он участвовал в ликвидации банд Антонова на Тамбовщине.

Чекистом стал и младший сын — Игорь Михайлович Кедров.

В одном из номеров «Комсомольской правды» за 1966 год мне бросилась в глаза заметка, в которой чекисты двадцатых годов тепло вспоминали своего комсомольского вожака Игоря Кедрова.

«Достойное место в боевом отряде чекистов, — писала «Комсомольская правда», — занимал молодой, глубоко преданный партии и революционной законности секретарь комсомольской организации ВЧК Игорь Кедров. Его отличало высокое понимание революционного долга и готовность отдать все свои силы и жизнь во имя революции».

Не только своим детям помогал Михаил Сергеевич найти верный путь. Он был неизменно внимателен ко всем, кто стоял на пороге жизни, кого волновали жизненные проблемы и вопросы, на которые требовались ясные и четкие ответы.

Большое влияние оказал Михаил Сергеевич на своего племянника, который, как и его дети, стал коммунистом.

Читавшие книгу Льва Никулина «Мертвая зыбь» наверняка запомнили мужественного чекиста, соратника Ф. Э. Дзержинского, одного из ответственных сотрудников ВЧК товарища Артузова. Это он организовал и блестяще провел операцию «Трест», осуществил арест английского шпиона Сиднея Рейли, а также ярого врага Советской власти правого эсера Бориса Савинкова.

Не все, однако, знают, что Артур Христианович Артузов был племянником Михаила Сергеевича Кед-

рова, сыном сестры его жены — Августы Августовны, в доме которой в селе Ждани М. С. Кедров не раз укрывался от царской полиции.

Артур был красивым, черноглазым, с копной темных волос, романтически настроенным юношей. Окончив гимназию с золотой медалью, Артур поступил в Петербургский политехнический институт, блестяще защитил диплом и стал инженером. Из Петербурга он уехал на Урал, где работал на одном из металлургических заводов.

Давняя привязанность Артура к Михаилу Сергеевичу, беседы, которые тот вел с юношей на прогулках в Ждани и в своей петербургской квартире, да и сама удивительно яркая личность дяди оказали огромное влияние на юношу.

Артур не мог стоять в стороне от великого дела, которое совершалось в России. Однажды он поделился своими раздумьями с дядей Мишей. Михаил Сергеевич не стал агитировать племянника. Он лишь напомнил Артуру известную английскую пословицу, которая гласит: «Самое главное — понять, в чем состоит твой долг. Выполнить его легче легкого».

Артур понял свой долг. Он стал большевиком, одним из первых советских чекистов, завоевавших полное доверие, любовь и уважение Ф. Э. Дзержинского.

У родных Артура Христиановича Артузова хранится напечатанная им на пишущей машинке автобиография. В короткой, написанной на полутора страницах истории своей жизни Артур Артузов рассказывает: «Как и многие юноши из интеллигентных семей, я долго метался, пока не нашел «себя» и ту единственную правду земли, без которой не может жить честный человек. Она, эта правда, заключается в том, чтобы люди, которые трудятся, были сыты и свободны... Не знаю, что было бы со мной, если бы не дядя Миша. Большевиком я стал исключительно под влиянием незаурядной личности Михаила Сергеевича Кедрова».

Давно ушел из жизни кристально честный большевик, соратник Ленина и Дзержинского М. С. Кедров. Нет в живых и двух его сыновей. Тяжелая болезнь оборвала недавно жизнь Сильвы Кедровой, талантливого ученого, специалиста по истории Индии,

доброго, душевно тонкого человека. Нет и племянника М. С. Кедрова — Артура Артузова.

В Москве живет и работает Бонифатий Михайлович Кедров. После окончания гражданской войны он, молодой тогда большевик, поступает в Московский университет.

Видимо, яркие рассказы отца о Дарвине, о его учении и борьбе за свое открытие пробудили у старшего сына М. С. Кедрова интерес к естествознанию, которому он впоследствии посвятил свою жизнь. Ныне это крупный советский ученый. Он ведет исследования в области материалистической диалектики, философских вопросов естествознания, занимается историей естественных наук. Академик Бонифатий Михайлович Кедров — член Сербской академии наук и искусства, Болгарской академии наук, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», Венгерской академии наук и Международной академии истории науки.

В связи с семидесятилетием со дня рождения Б. М. Кедров за заслуги в области развития советской науки был награжден правительством орденом Ленина. Второй орден Ленина он получил в связи с 250-летием Академии наук СССР.

— Около полувека я занимаюсь историей философии и естествознания, — говорит Бонифатий Михайлович Кедров, — и на этом поприще считаю себя борцом партии. Не мне судить о моих научных работах. Но если я стал ученым, то прежде всего потому, что отец и мать не готовили меня в философы, а просто старались воспитать во мне человека и борца.

ТРАДИЦИИ СЕМЬИ

Детские годы Наташи Каменевой совпали с временем суровых испытаний. Ее отец, Сергей Сергеевич Каменев, главнокомандующий Вооруженными Силами Советской республики, подолгу находился на фронтах гражданской войны. Вместе с ним всегда и всюду была его семья, и поэтому родным домом маленькой Наташи был штабной вагон отца-главкома, где с раннего утра до поздней ночи велась напряженная работа, вынашивались и обсуждались планы разгрома Колчака, белогвардейских армий Деникина и Врангеля, главы туркестанских басмачей Энвер-паши.

Весь жизненный и воинский путь Сергея Сергеевича Каменева, все его дела и поступки воспитывали в дочери мужество, умение владеть собой.

Впервые отец преподавал дочери урок мужества, когда Наташе было двенадцать лет.

Поздняя осень 1918 года. Окруженная со всех сторон врагами, молодая республика рабочих и крестьян напрягала все силы, отбивая яростные атаки белогвардейцев и интервентов, прорывая огненное кольцо вражеской блокады. Самым опасным врагом был в то время адмирал Колчак, который при щедрой помощи империалистов Европы, Америки и Японии захватил большую часть Сибири и уже мечтал въехать на белом коне в Москву. ВЦИК и Центральный Комитет партии поручают Сергею Сергеевичу Каменеву возглавить командование Восточным фронтом, руководить борьбой молодой Красной Армии с Колчаком.

Штаб Восточного фронта находился в ту пору в Симбирске. Варвара Федоровна, жена Сергея Сергеевича, и Наташа, давно уже привыкшие к походной жизни, полной тревог и ожиданий, надежд и опасностей, каждый вечер долгими часами стояли у окна и молча с нетерпением поглядывали на дорогу, ожидая Сергея Сергеевича.

Однажды ожидание сильно затянулось. Спустились сумерки, стало темнеть. Наконец им удалось разглядеть Сергея Сергеевича, быстро шагнувшего вместе с другими работниками штаба. Оставалось пересечь небольшой сквер, и они будут дома. Вот они уже вошли в сквер, и вдруг неожиданно раздались

выстрелы. Не помня себя от страха, Варвара Федоровна с Наташей стремглав бросились на помощь Сергею Сергеевичу и его товарищам.

К счастью, пули пролетели мимо, никого не задев. Сергей Сергеевич вместе с другими работниками спокойно продолжал путь. Дома, сняв не торопясь шинель, он сел за стол и как ни в чем не бывало сказал жене:

— Давайте ужинать...

Варвара Федоровна, как и полагается жене военного, взяла себя в руки и принялась накрывать на стол. Лишь двенадцатилетняя Наташа не могла оторвать глаз от отца, пораженная его мужеством и хладнокровием.

— Не смотри, пожалуйста, на меня с таким восхищением и не считай меня героем, каким-то необыкновенным храбрецом,— улыбаясь, сказал дочери Сергей Сергеевич. Он поманил ее к себе, будто собираясь открыть девочке очень важный секрет: — Запомни, Наташа, храбрых людей, которые не знают страха, не боятся смерти, на свете нет. Есть люди, которые умеют владеть своими чувствами и нервами, умеют подавить в себе страх и действовать так, как велит долг и совесть. Другие же от страха забывают обо всем на свете, теряют самообладание и становятся трусами, а часто из трусости и предателями... Умение владеть собой, помнить о долге и совести дается не сразу, оно воспитывается годами.

Девочка крепко запомнила этот разговор.

Некоторое время спустя ей представился случай и самой проявить присутствие духа, совершить мужественный поступок.

Перегруженность работой и суровые испытания на фронтах гражданской войны не прошли даром для Сергея Сергеевича Каменева. Его здоровье оказалось подорванным, требовало серьезного лечения и отдыха. После окончания боев он был направлен в Крым. Вместе с ним поехала семья.

Однажды тихим солнечным утром Сергей Сергеевич вместе с Наташей спустился на безлюдный берег моря и принялся чинить прохудившуюся лодку. Наташа была рядом и помогала отцу. Вдруг, взорвав утреннюю тишину, невдалеке прогремели выстрелы. Одна пуля ударилась в гальку прямо у ног Наташи.

Девочка, не раздумывая ни секунды, бросилась к отцу и заслонила его собой. К счастью, выстрелов больше не последовало...

Возвращаясь обратно в санаторий, Сергей Сергеевич все корил себя:

— Не надо было так рано спускаться к морю. В горах еще не совсем спокойно...

Он крепко обнял дочь и, заглядывая ей в глаза, спросил:

— Страшно было?

— Нет,— ответила девочка.— Я не успела испугаться. Я сразу подумала о тебе... Знаешь, папа,— сказала Наташа,— теперь я поняла: мужество — это когда любишь другого больше, чем себя...

По-разному учат детей в семье доброте, душевной теплоте, вниманию к людям, воспитывают чувство благодарности к старшим. Нередко в этом помогают умные, добрые детские книжки, народные сказки. Но в штабном вагоне у Сергея Сергеевича Каменева детских книг не было, а сказки он позабыл. Поэтому Сергей Сергеевич рассказывал маленькой дочке о своей семье, и особенно о своем отце, Наташином дедушке.

Отец Сергея Сергеевича Каменева был замечательным человеком. Инженер по образованию, демократ по убеждениям, Сергей Иванович Каменев всю жизнь проработал на знаменитом киевском заводе «Арсенал». Он был искренним и верным другом рабочих. Двери его небольшого одноэтажного домика на Резницкой улице были всегда открыты для них, особенно для тех, кто подвергался преследованиям со стороны властей. И рабочие платили ему любовью.

Тяжело заболев, парализованный, Сергей Иванович ни за что не хотел оставлять любимого дела, уходить с завода. И тогда рабочие пришли ему на помощь. Они каждый день на коляске привозили инженера к заводу и на руках вносили в цех. А когда Сергей Иванович умер, арсенальцы все, как один, провожали его в последний путь. Впереди траурной процессии они несли огромный, сплетенный ими из дубовых веток венок. На муаровой ленте только два слова: «Другу рабочих».

Сергей Сергеевич всегда был благодарен своему отцу за то, что именно он привил ему правильное от-

ношение к жизни, научил видеть в каждом человеке равного себе, уважать людей труда.

До сих пор Наталья Сергеевна Каменева помнит впечатления раннего детства.

Как-то вместе с отцом она проходила по Московской улице Киева. Сергей Сергеевич остановился у старого здания, изрешеченного пулями и осколками снарядов, и тихо проговорил:

— Всему хорошему, что во мне есть, я обязан «Арсеналу» и его рабочим...

Всю жизнь Сергей Сергеевич считал, что именно завод «Арсенал», его дружба с детьми рабочих, а потом и с самими арсенальцами оказали большое влияние на становление его мировоззрения.

Не менее интересной личностью был и второй дед Наташи Каменевой, отец Варвары Федоровны. Он был народовольцем и своей дочери привил убеждения, шедшие вразрез с принятыми тогда в кругах буржуазной интеллигенции.

Возможно, я слишком подробно остановилась на «родословной» Наташи Каменевой. Но мне хотелось еще раз подчеркнуть, что воспоминания о близких и дорогих ушедших из жизни людях, которые передаются от одного поколения к другому, играют важную роль в нравственном воспитании.

Мне кажется, что молодым родителям стоит над этим призадуматься. Наши дети охотно играют в Чапаева, в буденновцев, в героев Великой Отечественной войны, в космонавтов. Но мало кто из них знает о тех, кто сражался рядом с Чапаевым, бился с белополяками в Первой Конной Буденного, о первых летчиках Страны Советов, что прокладывали путь будущим космонавтам. Они, попросту говоря, мало знают о своих родственниках, о дедушках и бабушках, о тетях и дядях, которые героически сражались в годы Великой Отечественной войны, честно трудились на заводах и в колхозах. А ведь ребенок должен знать, кому он обязан своим настоящим, и знать это не только из учебника истории и хрестоматии по литературе, но и от своих близких, от членов своей семьи.

Забегая вперед, скажу, что, когда у Натальи Сергеевны родился сын, она рано стала рассказывать ему о своей семье, о его прадедах и дедах. Как и все малыши, мальчик любил, чтобы взрослые читали

ему вслух книжки, рассказывали сказки, но все же он чаще всего обращался к матери с просьбой рассказать «про дедушку»... В комнате Натальи Сергеевны всегда висели портреты ее родителей — отца в военной форме и матери. Образы этих людей навсегда остались близкими и дорогими ее сыну.

К сожалению, не всегда так бывает.

Создавая свой дом, молодые родители, бывает, снимают со стен фотографии отца и матери, деда и бабушки. Они якобы «не вписываются» в современный интерьер. А жаль! Надо, чтобы вписывались. И фотографии, и старые письма, и вязание бабушки, и изделия, смастеренные рукой деда.

Размышляя над укладом семьи Каменевых, мне подумалось, что, наверно, это очень важно — иметь в каждом доме свою «семейную хронику». В нее могут войти письма, присланные дедом с фронтов Великой Отечественной войны, отправленные отцом с целины, со строительства КамАЗа или Иркутской ГЭС. Эта семейная летопись может состоять из альбома, куда аккуратно вставлены старые, выцветшие от времени фотографии. Хорошо, чтобы в каждом доме была своеобразная книга «учета» семейного опыта, своей родословной. Кто научился беречь малое, тот сумеет сохранить и большое...

В нравственном становлении своей дочери Сергей Сергеевич Каменев сыграл важную роль. Часто приходится слышать, что отец больше нужен мальчикам. Это не совсем верно. И на формирование характера и чувств девушки отец оказывает большое, облагораживающее влияние. Чтобы девочка выросла женственной, нежной, самоотверженной, а не только волевой, решительной и сильной, ей необходимо иметь перед глазами рыцарски благородного, заботливого, доброго и отважного мужчину. Таким рыцарем для девочки должен быть в детстве отец.

Наташа Каменева росла в семье, где отношения отца и матери были удивительно трогательными. Жена была самым дорогим для Сергея Сергеевича человеком, самым верным его другом и надежным товарищем. Они почти никогда не разлучались. Оставив маленькую дочку на попечении бабушки, Варвара Федоровна во время первой мировой войны отправилась к Сергею Сергеевичу на фронт. С ней первой

Сергей Сергеевич поделился своими сомнениями и тревогами о судьбе России, о прогнившем до глубины царском строе, о бездарном ведении войны и преступной политике российского самодержавия. Полностью разделяя тревоги и взгляды мужа, Варвара Федоровна старалась поднять его настроение, подбодрить. Возвращаясь с фронта домой, Варвара Федоровна подарила мужу свою фотографию, на обороте которой написала: «Не надо падать духом. Все имеет свой конец. И почему обязательно плохой? Будем ждать хорошего».

Эта фотография стала для Сергея Сергеевича Каменева талисманом. Он не разлучался с ней всю жизнь; с фотокарточкой жены в кармане военного френча он прошел всю первую мировую войну, революцию, участвовал в боях с Колчаком и Деникиным. Эта карточка и теперь стоит на рабочем столе Натальи Сергеевны.

Известно, как трудно бывает с детьми, когда они подрастают. Утверждая себя, подросток безапелляционно судит о сложных явлениях жизни, о прочитанных книгах, об увиденных театральных постановках. Не избежала этого и Наташа Каменева.

Молодежь двадцатых годов нередко посещала ТИМ — Театр имени Мейерхольда. Вместе с Сергеем Сергеевичем, который любил и знал этот театр, был знаком с выдающимся советским режиссером, Наташа тоже бывала в этом театре. Каждый спектакль, поставленный В. Э. Мейерхольдом, был интересен дерзким новаторством и поэтому всегда вызывал горячие диспуты и споры между поклонниками и противниками его творчества.

Однажды Наташа вместе с отцом смотрела спектакль «Лес» А. Н. Островского, поставленный В. Э. Мейерхольдом. Девушка вначале с интересом смотрела на сцену, но многое не могла понять и постепенно стала возмущаться, задавая потихоньку недоуменные вопросы:

— Зачем у Буланова зеленый парик? Почему грим Улиты превращает ее лицо в лисью морду? Отчего Ксюша ходит на ходулях?

В антракте Наташа со всем пылом юности выпалила свое возмущение самому В. Э. Мейерхольду. Тот внимательно выслушал Наташу: ему, видимо, было интересно, как юная театралка понимает его спектакль. Но тут в разговор вмешался Сергей Сергеевич, словно опасаясь, как бы дочь не наговорила много глупостей.

— Ну как же ты не понимаешь? — обратился он к Наташе. — Зеленый парик Буланова подчеркивает его молодость. Он как бы говорит: молодо-зелено... Ксюша и ее жених пересекают сцену на высоких ходулях, чтобы ярче, образнее показать мечту молодых людей о будущем, о высоком стремлении к счастью. А Улита и Гурмыжская — они ведь зверье, хищники, поэтому у помещичьей приживалки и морда лисья...

Всеволод Эмильевич с оживлением выслушал Сергея Сергеевича, крепко пожал ему руку и, улыбаясь, сказал:

— Вы словно прочитали мой режиссерский план.

По дороге домой у Наташи в тот же вечер произошел с отцом серьезный разговор о сложности поисков нового в искусстве, о том, что новое не всегда и не сразу воспринимается неподготовленным зрителем.

— История театра знает много случаев, когда первооткрыватели оказывались не понятыми современниками, — объяснял Сергей Сергеевич дочери. — В свое время проваливались пьесы Шекспира, Шиллера, Чехова. Происходило это, однако, не потому, что их авторы и постановщики были бездарными, а потому, что они шли впереди своего времени. Чтобы понять новое, непривычное, надо потратить немало усилий, много знать, упорно учиться, а главное — думать. Во всяком случае, никогда не следует рубить сплеча и воинственно выставлять напоказ свое невежество...

Сергей Сергеевич Каменев часто общался с молодежью. Он был дружен с товарищами и подругами Наташи. По праздничным дням — в годовщину Октябрьской революции, в День Красной Армии, 8 Марта, под Новый год — у них всегда собиралась молодежь. Жизнь в стране с каждым годом становилась лучше, раны, нанесенные гражданской войной, по-

степенно залечивались. Девушки уже начинали интересоваться модами, коротко стригли волосы. Сергей Сергеевич спокойно относился к этим новшествам.

— Длина юбок или форма рукава решительно не имеют никакого отношения к мировоззрению, — говорил он. — Вот когда чрезмерное увлечение вещами приводит к аполитичности — это опасно.

По словам Натальи Сергеевны, Сергей Сергеевич обладал каким-то удивительным, так необходимым всем родителям чувством современности. Поэтому если говорить о главном в отношениях дочери с отцом, так это прежде всего верная и крепкая дружба. Девушка не знала того горького чувства, которое нередко испытывают подростки, заявляя: отец меня не понимает.

— Я прожила большую жизнь и поняла, какое это счастье, когда родители становятся друзьями своих детей, бывают для них примером, их гордостью, — говорит Наталья Сергеевна Каменева. — Мой сын Геннадий уже сам взрослый человек. Он коммунист, заместитель начальника цеха большой московской типографии. Но до сих пор, как это было и в детстве, и в юношеские годы, я остаюсь для него самым близким другом и верным товарищем. Для матери это самая большая радость и счастье.

«МОИМ ДЕТЯМ — ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ...»

Это было летом 1918 года. Окруженная со всех сторон врагами, истерзанная гражданской войной и разрухой, наша страна отчаянно боролась с голодом. В те дни каждый пуд хлеба Ленин называл «настоящей святыней». Он не раз подчеркивал впоследствии: «Кажется, что это борьба только за хлеб; на самом деле это — борьба за социализм».

Рабочие Питера и Москвы получали «восьмушку» (пятьдесят граммов) хлеба в день. Контрреволюционеры злорадствовали. Они надеялись задушить «костлявой рукой голода» еще не окрепшую Советскую республику.

В это исключительно трудное и тревожное время по предложению Владимира Ильича Ленина на пост народного комиссара продовольствия был назначен Александр Дмитриевич Цюрупа.

В своих воспоминаниях о Ленине Надежда Константиновна Крупская писала: «Ильич, очень хорошо умевший разбираться в людях, очень ценил Александра Дмитриевича... Был он прекрасным организатором, практиком, знавшим дело, знавшим деревню. В то же время он был прекрасным революционером...».

Преодолевая жестокое сопротивление кулаков и саботажников, воров и спекулянтов, Александр Дмитриевич Цюрупа боролся за каждый фунт хлеба, за каждый золотник зерна. И когда ценой невероятных усилий и жертв удавалось достать какое-то количество продуктов, они в первую очередь шли детям.

Невозможно без глубокого душевного волнения читать телеграммы и приказы, донесения и распоряжения, подписанные в те годы наркомом Цюрупой.

«Страдания пролетарских детей, умирающих от голода, — телеграфировал Александр Дмитриевич в Саратов, — не нуждаются в описании. Шлите немедленно все запасы манной крупы».

В один из труднейших моментов, когда голод, казалось, достиг крайних пределов, Цюрупа получил сообщение, что из Вологды в Москву отправлено четыре вагона вологодского масла. Не колеблясь,

нарком приказывает: «Все четыре вагона масла до последней унции — детским приютам и госпиталям».

К огромной и важной работе, к жестокой борьбе за хлеб, к безмерной усталости прибавилась еще тревога о жене и детях, постоянное волнение об их судьбе.

Случилось так, что, срочно вызванный Лениным в центр, Александр Дмитриевич Цюрупа оставил семью в Уфе, где она жила постоянно. А осенью 1918 года город захватили колчаковцы, в их руки попали жена и дети народного комиссара.

Мария Петровна Цюрупа всегда оставалась верным другом и единомышленником своего мужа. Она стойко переносила все трудности и лишения, выпавшие на долю жены большевика. Оказавшись в руках белогвардейцев, подвергаясь шантажу и издевательствам, Мария Петровна держалась на допросах смело и мужественно. Колчаковцы потребовали, чтобы она написала письмо «заблуждающемуся» мужу и образумила его. На это наглое требование Мария Петровна ответила категорическим отказом.

Владимир Ильич Ленин вместе с Александром Дмитриевичем Цюрупой тревожился о судьбе его семьи. Несмотря на огромную занятость и напряженную работу, В. И. Ленин нашел время, чтобы принять все меры и вызволить жену и детей Александра Дмитриевича из колчаковского плена.

Прибыв в Москву, семья Цюрупы поселилась в Кремле.

Наконец-то вся семья Александра Дмитриевича Цюрупы — жена Мария Петровна и их пятеро детей — собралась под одной крышей. Владимир Ильич тут же позаботился, чтобы ей были созданы сносные условия.

Ленин обратился к членам Президиума ЦИК с запиской: «Цюрупа получает 2000 руб., семья 7 чел., обеды по 12 руб. (и ужин), в день $84 \times 30 = 2520$ рублей.

Не доедают! Берут 4 обеда, этого мало. Дети — подростки, нужно больше, чем взрослому.

Прошу увеличить жалованье ему... и дать сверх того пособие... единовременно семье, приехавшей из Уфы без платья».

Несмотря на невероятную перегруженность работой, на громадное нервное напряжение и безмерную усталость, Александр Дмитриевич в семье всегда оставался ровным и спокойным. Он уделял детям много внимания, для каждого у него находилась и душевная теплота, и ласка.

Александр Дмитриевич и его жена сумели создать в семье ту атмосферу доверия и взаимного уважения, которая, пожалуй, является главным средством воздействия на детскую душу. В доме Цюрупы никогда не произносили громких слов о правилах жизни, не проповедовали прописных истин, и детям казалось, что и доверие друг к другу, и взаимное уважение сами собой разумеются. Только став старше, они поняли, что жизнь их семьи покоилась на ясных принципах и твердых убеждениях родителей.

В доме постоянно поддерживался ровный и спокойный тон. В разговорах никто не повышал голоса, на детей не кричали, их никогда не наказывали. Поэтому и между братьями и сестрой установились спокойные, дружеские отношения: старшие помогали младшим, заботились о них.

Когда семья А. Д. Цюрупы поселилась в Москве, старшие сыновья Дмитрий и Петр ушли на фронт гражданской войны, подростки — дочь Валентина и сын Вадим учились в Московской школе-интернате, где было хорошо поставлено трудовое воспитание. Вместе со всеми школьниками дети Цюрупы проходили зимнюю практику на Бутиковской текстильной фабрике, работали в прядильном, красильном и упаковочном цехах. Летом всей школой уезжали за город, где отдыхали и помогали сельскохозяйственному кооперативу.

Сохранилось письмо Александра Дмитриевича Цюрупы, написанное сыну Вадиму, который отправился на работу в деревню. Оно полно отцовской любви к двенадцатилетнему мальчику.

«Дорогой мой Димочка! Когда я проснулся, — писал отец сыну, — тебя уже не было. Ты ушел. Теперь вот, сидя у себя в кабинете, в одиночестве, вспомнил я об этом, ясно представил себе твою фигурку в фуражке «военного» образца, с мешком за плечами — и больно и радостно мне стало за тебя. Вот спешишь ты на вокзал, на сборный

пункт, потом едешь поездом по железной дороге, потом идешь десять верст пешком до школы. Сколько тебя, такого маленького, подстерегало на пути несчастных случайностей! На тебя мог наскочить автомобиль, тебя могли затолкать на вокзале, при посадке в поезд... Могло быть крушение поезда... На грязном вокзале, в грязном вагоне ты мог заразиться любой болезнью... Идя 10 верст, ты мог промочить ноги и заболеть... И еще 1000 случайностей могло быть... И так жалко мне стало тебя, так больно, но потом я подумал: такой маленький с такими же маленькими, как самостоятельно они действуют!

Они не беспомощны, как дети, они самостоятельны и деятельны, как взрослые. Они — молодцы! И мне стало радостно. И захотелось мне написать тебе об этом... Будь здоров, мой дорогой мальчик, будь здоров и весел. Целую моего мальчика. Александр Цюрупа».

Сколько в этом письме тепла и человечности, педагогического такта! Отец не скрывает своей тревоги, он видит все трудности, которые преодолевает двенадцатилетний мальчик, поощряет его самостоятельность.

По глубокому убеждению Александра Дмитриевича, дети должны знать, что родители не только поучают, опекают и воспитывают их, но и ценят в них мужество, настойчивость, силу воли. Он считал это очень важным для воспитания ребенка.

Дети народного комиссара продовольствия вместе со всеми испытывали жестокую нужду и голод. Вот как вспоминает голодный 1918 год самый младший сын А. Д. Цюрупы — Всеволод Александрович, который был отдан в ту же школу-интернат, где учились Валентина и Вадим:

«Однажды мы с сестрой пришли из школы-интерната очень огорченные и заплаканные.

— Что случилось? — с тревогой спросил отец.

— Ребята нас упрекают... Они говорят, будто это ты, папа, виноват, что в России нет хлеба, что нас плохо кормят...

Папа молчал. Потом он положил мне на плечи свои худые, бледные до прозрачности руки и сказал:

— Не обижайтесь на них... Они не виноваты. Они голодны...»

Эпизод, о котором с огорчением рассказал отцу младший сын Всеволод, взволновал Александра Дмитриевича. Он стал поводом для серьезного разговора с детьми.

— Вы должны понять, — сказал отец сыну и дочери, — что у меня как у народного комиссара продовольствия нет никаких особых привилегий, кроме одной — голодать вместе со всей страной, со всем народом... Я бы хотел, чтобы вы навсегда запомнили очень важное правило большевиков: как народ — так и мы...

События, происходившие в стране и во всем мире, непременно находили отклик и в семье А. Д. Цюрупы. Убежденный интернационалист, Александр Дмитриевич мечтал о том времени, когда трудящиеся всех рас и национальностей станут свободными и равноправными. Пролетарскую солидарность, братство людей труда Александр Дмитриевич Цюрупа ценил превыше всего.

Он хотел, чтобы и его дети выросли подлинными интернационалистами, людьми, уважающими обычаи и традиции людей другой национальности, были свободны от позорной национальной и расовой нетерпимости.

С волнением и гордостью рассказывал он своим ребятам о беспримерном подвиге советских рабочих, проявивших истинный интернационализм и братскую солидарность:

— Когда в ноябре 1918 года в Германии произошла революция, рабочие Советской России, сами получая скудный месячный паек, постановили половину его отдавать восставшим немецким пролетариям. И тогда со всей Москвы потекли к Александровскому вокзалу обозы, груженные серыми холщовыми мешками. В них были черные ржаные сухари. На обозах развевались красные полотнища с надписью: «Хлеб — Либкнехту!»

Дети с огромным волнением слушали рассказы отца и очень сожалели, что не могли поделиться с немецкими ребятами своим куском хлеба. Они в то время находились еще в плену у Колчака.

Объясняя детям величие интернационального

подвига советских рабочих, Александр Дмитриевич подчеркивал:

— Нетрудно поделиться куском хлеба, это всегда возвышает тебя в собственных глазах. Но тут встает вопрос: каким куском хлеба ты поделился? Последним? Оторвал его от себя, от своего голодного ребенка? Или отдал лишнее, когда сам уже сыт по горло? В таком случае быть добрым не большая доблесть. Советские рабочие делились последним куском, сами потуже затягивая ремень.

Вскоре и семья А. Д. Цюрупы показала пример интернациональной дружбы.

...Однажды Александр Дмитриевич возвращался с очередным эшеленом хлеба для рабочих Москвы. Как часто случалось в те времена, на глухом полустанке неподалеку от Казани эшелон задержался. Цюрупа вышел из вагона и увидел девочку лет восьми, очень худенькую, в лохмотьях, едва прикрывавших ее слабенькое тельце. Девочка сидела в стороне от беженцев, в самом конце платформы, по-старушечьи сложив на коленях руки.

Александр Дмитриевич подошел к ней, окликнул. Девочка подняла голову, и он увидел изможденное бледное личико ребенка. Острая боль кольнула в сердце Александра Дмитриевича, когда он увидел глаза девочки. Огромные, черные — и безразличные ко всему...

— Где твои родители? — спросил Александр Дмитриевич.

Девочка непонимающе смотрела на него.

— Где мама? — спросил он на башкирском языке, немного похожем на татарский. Девочка мотнула головой и ответила:

— Энием унде (Мама умерла).

— Где ты живешь?

— Белмин (Не знаю)...

— Как тебя звать?

— Гайша.

Александр Дмитриевич полез в карман куртки и нашел там маленький кусочек сахара.

— На, возьми.

Девочка взяла в руки липкий кусочек, лизнула его, недоверчиво посмотрела на Александра Дмитриевича.

— Шикер... сахар, — путая русские и татарские слова, проговорила девочка.

Она снова лизнула кусочек сахара, но есть его не решилась.

— Ешь, ешь, — повторил Александр Дмитриевич.

У него оставались считанные минуты до отхода эшелона, и он хотел, чтобы девочка при нем съела сахар, иначе у нее отнимут. Машинист стал подавать сигналы, состав вот-вот тронется, и тут Цюрупа понял: он не может, не в силах оставить здесь, на этом заброшенном полустанке, маленького голодного ребенка. Он поднял девочку на руки, крепко прижал к груди и быстро зашагал к эшелону.

В Москве, прямо с вокзала, Александр Дмитриевич вместе с Гайшой пришел в свой рабочий кабинет, который находился в здании нынешнего ГУМа на Красной площади. Он попросил секретаря дать девочке кипятку, а сам отправился домой, к детям. Собрав их всех вместе, он сказал:

— Сейчас к вам придет девочка-татарка. Она будет у нас жить. Я прошу вас, дети, отнестись к ней, как к своей родной сестренке... Она никогда не должна чувствовать, что живет в чужой семье... Она еще не очень хорошо говорит по-русски, но, живя с вами, скоро научится...

Прошло немного времени, и Александр Дмитриевич обратился к одному из своих знакомых с просьбой разыскать в Москве татарскую школу. Он не хотел, чтобы Гайша забыла родной язык.

Дети Александра Дмитриевича подружились с девочкой, она стала им сестренкой, а Гайша Гиреева обрела родную семью, где ей было тепло, где она чувствовала постоянную заботу, внимание и участие.

Жизнь семьи А. Д. Цюрупы очень скрашивала музыка. Музыка была для Александра Дмитриевича не только развлечением и приятным времяпрепровождением. Александр Дмитриевич относился к музыке как человек высокой культуры, для которого искусство — живая потребность. Музыка являлась для А. Д. Цюрупы частицей его духовного «я».

— Кем бы ни работал человек, — говорил Алек-

сандр Дмитриевич детям, — он не должен лишать себя радости слушать хорошую музыку.

И часто повторял слова великого немецкого композитора Генделя: «Музыка не должна развлекать людей. Она должна делать их лучше».

— В далекие двадцатые годы, — вспоминает дочь А. Д. Цюрупы Валентина Александровна, — папа был очень занят, но, несмотря на все дела, к нам на квартиру один или два раза в месяц заходили друзья и товарищи отца на «музыкальный огонек» — послушать музыку.

Приходили народные комиссары, сотрудники Совнаркома, красноармейцы, свободные от дежурства по Кремлю; изредка, выкроив немного времени, заходил к Александру Дмитриевичу и Владимир Ильич Ленин.

За рояль садился прекрасный пианист, друг Александра Дмитриевича Гавриил Иванович Романовский. В холодной, тускло освещенной комнате звучала музыка Чайковского и Баха, Рахманинова и Бетховена, Шопена и Скрябина.

Александр Дмитриевич очень любил и ценил творчество выдающегося русского композитора А. Н. Скрябина. Особенно восхищался Александр Дмитриевич симфонической поэмой Скрябина «Прометей».

На домашних концертах присутствовали и дети. По просьбе отца они писали программы, а потом раздавали их слушателям. Одну из таких самодельных программ Валентина Александровна Цюрупа мне показала. Вот уже долгие годы она бережно хранит ее в своем личном архиве. На серой оберточной бумаге, разукрашенной незатейливыми детскими рисунками, старательно выписаны имена композиторов и названия произведений, которые исполнял Г. И. Романовский.

Дети Александра Дмитриевича Цюрупы не стали профессиональными музыкантами, но музыка, любовь к которой они унаследовали от отца, стала и для них душевной потребностью.

Шли годы. Гражданская война была окончена. Наркомпрод ликвидирован. Александр Дмитриевич

Цюрупа занимал теперь пост заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, на котором оставался до дня своей смерти в 1928 году.

Дети выросли. Они стали продолжателями дела, участниками строительства первых пятилеток, защитниками первого в мире социалистического государства.

Первым в большую жизнь вступил старший сын А. Д. Цюрупы — Дмитрий.

Еще до приезда семьи в Москву Дмитрий Цюрупа шестнадцатилетним пареньком одним из первых вступил в Красную гвардию в Уфе.

— Не рано ли, сынок? — спросил Александр Дмитриевич старшего сына, когда тот явился домой в кожанке с красной повязкой на рукаве.

— А ты стариком был, когда в 1905 году лез под пули? — спросил Дмитрий.

Он хорошо знал революционную молодость отца, студента Херсонского сельскохозяйственного училища, одного из вожаков рабочих Херсона.

Всю гражданскую войну Дмитрий Цюрупа воевал на Южном фронте, потом громил контрреволюционеров на Тамбовщине. Ежедневно рискуя жизнью, он вместе с бойцами частей особого назначения реквизирует припрятанный кулаками хлеб. После окончания войны Дмитрий Цюрупа поступил на военные курсы имени ВЦИК.

Время становилось тревожным. В Германии власть захватил Гитлер. Италия давно уже находилась под сапогом фашистской диктатуры Муссолини. Летом 1936 года в Испании вспыхнул фашистский мятеж против республики. Антифашисты всех стран мира поспешили на помощь испанским республиканцам. Одним из первых из Советского Союза отправился в Испанию Дмитрий Цюрупа.

...В небольшом испанском городке Альбасете, где формировались интернациональные бригады, встретились два друга — Дмитрий Цюрупа и Александр Родимцев. Они были друзьями еще по военным курсам имени ВЦИК, где Дмитрий Цюрупа учился в кавалерийском эскадроне. Вместе стояли они на посту у Мавзолея В. И. Ленина.

В своей книге «Под небом Испании» генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза Александр

Ильич Родимцев вспоминает о своем товарище, с которым вместе воевал на испанской земле:

«Митя гордился своим отцом, старался во всем походить на него. Требование отца быть скромным, решительным, трудолюбивым, принципиальным стало обязательным для Мити. Трудолюбия и усидчивости Мите не надо было занимать. Только кончаются занятия в училище, а Митя с новой книгой, учит иностранный язык. Освоил английский, взялся за испанский. Всегда выдержанный, рассудительный, начитанный, он был любимцем товарищей. Митя, как и отец, очень любил музыку. Для него было большой радостью слушать оперу».

После испанских событий Дмитрий Цюрупа стал кадровым военным. В годы Великой Отечественной войны подполковник Дмитрий Александрович Цюрупа командовал стрелковым полком и был убит в первые месяцы войны.

Подростком убежал из дома на фронт гражданской войны второй сын А. Д. Цюрупы — Петр. Также как и старший брат, он сражался в рядах действующей Красной Армии. Потом был с теми, кто подавлял контрреволюционный мятеж в Кронштадте. В первые дни Великой Отечественной войны Петр добровольно вступил в народное ополчение и спустя год погиб.

В войне с немецко-фашистскими захватчиками участвовал и самый младший из сыновей А. Д. Цюрупы — Всеволод Александрович. Ныне он журналист, работает в «Известиях».

На оборону Родины всю войну работала и дочь старого большевика — Валентина Александровна, которая находится теперь на заслуженном отдыхе.

...Однажды в начале 1920 года Александр Дмитриевич Цюрупа поздно пришел домой и стал просматривать новые книги. Среди них он обратил внимание на небольшую брошюру. Это была первая Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Александр Дмитриевич хорошо знал эту книжку. В ней было записано все, во имя чего он жил и боролся, что было завоевано в упорной борьбе и что должно было те-

перь беречь и защищать новое поколение советских людей.

В комнате было тихо. Младшие дети спокойно спали, старшие были на фронте. Александр Дмитриевич постоял возле спящих детей, потом вернулся к письменному столу и на титульном листе первой Советской Конституции написал своим твердым и ровным почерком: «Моим детям — вместо завещания».

«НАС УЧИЛИ ДОБРУ И МУЖЕСТВУ...»

На тысячу верст тянутся заледенелые просторы. Временами слышится глухой треск. Это от мороза лопается земля. В небольшой юрте, при свете одиноко мерцающей свечи, сидит человек лет тридцати, с копной густых волос, пушистыми усами и добрыми лучистыми глазами. Поеживаясь от холода, он водит карандашом по букварю и вместе с черноголовыми ребятишками, сидящими с ним рядом, выводит слог за слогом: «Ма-ша е-ла ка-шу».

Детям это нравится: про кашу им все понятно, и они улыбаются. От этого их темные раскосые глаза еще больше суживаются. Но уже следующее предложение: «Ко-ля ка-тит ко-ле-со» — вызывает недоумение. Они смотрят на учителя, спрашивают:

— Скажи, хозяин-товарищ, что такое колесо?

Виктора Павловича Ногина не смущает такое обращение. Он понимает, якутские дети вкладывают в него особый смысл: человек грамотный, образованный, — значит, «хозяин», а «товарищ» — потому что ссыльный. Не исправник, не чиновник, не купец.

Виктор Павлович рисует колесо и пытается объяснить ребятам, что оно служит людям для передвижения, с помощью колеса делают глиняную посуду, мелют муку, ткут материю.

Дети слушают учителя со смешанным чувством удивления и любопытства, с трудом представляя себе, как это можно передвигаться без саней и собачьей упряжки...

С тех пор, как в городе Верхоянске¹ поселился этот добрый человек, они уже многое узнали и жить им стало интереснее. Их учитель дает им тетради и карандаши, учит читать и считать. Он запросто заходит в юрты, чтобы поговорить с их отцами и дедом, лечит больных, мешает хитрым купцам обманывать при расчетах за покупки.

Верхоянск — седьмая ссылка профессионального революционера, одного из агентов ленинской «Искры» и соратника В. И. Ленина Виктора Павловича Ногина.

Когда товарищи спрашивали его, во скольких тюрьмах он побывал, Виктор Павлович отвечал:

— Не помню... Кажется, в пятидесяти...

Семь раз его ссылали, шесть раз он бежал.

Владимир Ильич Ленин, не раз, бывало, спрашивал у ближайших друзей:

— А куда сейчас движется наш Макар (это была подпольная кличка В. П. Ногина) — туда или обратно?

В. П. Ногин поздно создал свою семью. Ему шел уже тридцать третий год, когда он женился на молодом враче Ольге Павловне Ермаковой. Начав совместную жизнь, они недолго были вместе. Вскоре после женитьбы Виктора Павловича арестовали и сослали в Верхоянск. Здесь он узнал из письма жены о рождении сына. Он по нескольку раз в день перечитывал каждую строчку письма, в котором Ольга Павловна пыталась нарисовать портрет новорожденного, сообщая, что у него «глаза начинают коричневеть, а волосики на затылке длинные, светлые и мягкие, как пушок... Уже лежит в корыте на животике, фыркает, как ежик».

На всем свете не было в то время человека счастливее Виктора Павловича — он стал отцом. К чувству радости примешивалась и тревога. Он понимал, какая большая, новая ответственность легла теперь на его плечи. Виктор Павлович не переставал думать о том, как в условиях борьбы, арестов и ссылок уберечь семью, как сложатся его отношения с сыном. Особенно беспокоило его, поймет ли сын, за что борется отец, почему он и мать должны быть подолгу в разлуке, терпеть нужду и лишения.

Виктор Павлович, разумеется, знал, как велико значение родительского примера для ребенка. Ребенком надо заниматься постоянно, формировать день за днем его характер, настойчиво и умело закладывать нравственные основы будущей личности.

Но сила родительского примера, власть добрых поступков воздействуют не механически, они следствие множества обстоятельств и факторов. Виктор Павлович судил об этом на основе собственного жизненного опыта...

Став отцом, он часто вспоминал свое детство, прошедшее на берегу могучей Волги, в маленьком

городке Калязине, мать. Доброй, по-житейски мудрой была Варвара Ивановна. Она не разделяла страсть к обогащению своего мужа, конторщика ткацкой фабрики Викулы Морозова, верного слуги одного из текстильных магнатов России.

Много душевного тепла отдала мать маленькому Вите. Она научила его уважать людей, трудиться, быть честным, оставаться верным в дружбе. В самом раннем возрасте она научила его радоваться цветам и солнцу, любить Волгу, восторгаться пылающими над рекой закатами и тихой утренней зарей, не жалуясь, переносить лишения и тяготы жизни...

Часто в свободное от забот и дел время Варвара Ивановна уходила с Витей в густые калязинские леса или отправлялась с ним на крутой откос Волги. Мать рассказывала ему о природе и людях либо молча сидела рядом с сыном, глядя на ширь великой реки, на родные просторы.

Когда Виктор вырос и стал большевиком, Варвара Ивановна сердцем матери поняла революционные убеждения сына и стала помощницей в его подпольной работе. Она охотно выполняла отдельные его поручения, прятала нелегальную литературу, находила явочные квартиры, посещала Виктора в тюрьме, писала ласковые и бодрые письма в ссылку, покупала и высылала ему газеты, журналы и нужные книги.

Виктор Павлович нежно любил свою мать, хотя предпочитал об этом не говорить. Лишь однажды в письме из ссылки раскрыл перед матерью свою душу: «...за многие советы я Вам благодарен...»

Это писал взрослый человек, немало переживший и передумавший, революционер, имевший за плечами большой жизненный опыт. Многое из того, что получил от матери, он потом передал своим детям.

Виктор Павлович и его жена Ольга Павловна всегда с большой ответственностью относились к воспитанию своих детей — сына Владимира и родившейся позже дочери Ольги.

Владимир Викторович Ногин вспоминает, что они с отцом увиделись и подружились незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Мальчик быстро привязался к отцу. В то время Вик-

тор Павлович, будучи избранным первым большевистским председателем Московского Совета, с головой окунулся в работу: уходил ранним утром, возвращался домой поздно вечером. Так было и после победы Октября. Сын только урывками видел отца, и поэтому в памяти Влади — так в детстве звали Владимира Викторовича, — как и в памяти его младшей сестренки Лели, отец навсегда остался как «летний папа». Каждое лето семья Ногина выезжала на дачу. И летом, как бы Виктор Павлович ни был занят, все вечера после работы и выходные дни он оставлял для своих детей.

Виктор Павлович очень любил Подмоскovie. Ему нравилась природа Серебряного бора, где они жили. Ранним утром, когда на траве еще не просохла роса, Виктор Павлович в полотняной толстовке, с небольшой плетеной корзинкой в руке потихоньку, чтобы не разбудить домашних, выходил вместе с сыном из дому. Они забирались в лес и наслаждались его красотой, утренней прохладой и тишиной.

— Папа был искусным грибником, — рассказывал Владимир Викторович. — Отправляясь в лес, он непременно брал с собой складной нож. Грибы, учил меня отец, не любят, когда их рвут руками. «Разве можно такого красавца вырывать с корнем?» — рассуждал он вслух, склоняясь над белым грибом. Отец осторожно подрезал толстую ножку гриба и аккуратно укладывал в корзину, приговаривая: «Так меня учила мама...»

Походы за грибами становились не только приятной утренней прогулкой, но и удивительно радостными часами общения отца и сына. Сын многому учился и многое узнавал от Виктора Павловича.

Виктор Павлович прекрасно знал все грибные места в Серебряном бору. Особенно много грибов было в небольшом лесочке неподалеку от Рублевского шоссе. Там иногда артиллеристы проводили учебные стрельбы, и в эти дни вывешивали на шоссе красные флажки. Однажды, когда Виктор Павлович с Владей направились в заветное грибное место, на пустынном Рублевском шоссе никаких флажков не оказалось. Значит, решил отец, стрельб сегодня не будет. Только Владя и Виктор Павлович вошли в лес, как началась орудийная стрельба. Мальчик испугал-

ся, стал метаться в поисках укрытия. Виктор Павлович продолжал, однако, спокойно собирать грибы, не обращая внимания на пальбу. Это успокоило Владю.

— Во время опасности, — сказал отец испуганному мальчику, — нельзя терять самообладания. Трус, как правило, становится первой жертвой...

— Папа, конечно, знал, что на учении обычно стреляют холостыми снарядами, — вспоминая этот случай, говорит Владимир Викторович. — Меня же тогда поразили его спокойствие и выдержка. Много лет спустя, находясь на фронте, я часто вспоминал хладнокровие отца и особенно его слова: «Трус, как правило, становится первой жертвой...»

Набрав полное лукошко грибов, Виктор Павлович обычно не торопился возвращаться домой. Он любил вдоволь насладиться летним солнечным утром, подышать свежим воздухом, полюбоваться природой. Выбрав небольшую полянку, он ложился в густую высокую траву, закладывал руки под голову и смотрел в голубое небо. Владя пристраивался рядом и болтал без умолку. Виктор Павлович сразу не обрывал его, но потом, ласково улыбаясь, говорил: «Помолчи, сынок, послушай лучше, как прекрасна тишина».

Двенадцатилетнему мальчишке, конечно, трудно было молчать, но эту просьбу он выполнял беспрекословно. Владя умолкал, начинал следить за полетом птиц, прислушиваться к стрекотанию кузнечиков в траве, вдыхать аромат сладко пахнувших кашек... И перед ним открывался огромный новый мир, мимо которого он совсем недавно проходил так равнодушно, ничего не замечая.

Виктор Павлович очень любил цветы. В семье Ногиных до сих пор хранится его письмо, которое он прислал Ольге Павловне из тюрьмы. Оно — трогательное свидетельство глубокой и красивой любви.

Ольга Павловна, будучи еще невестой Виктора Ногина, передала ему в тюрьму небольшой букет цветов. Виктор Павлович был счастлив и при первой же возможности ответил ей: «Страж разрешил взять несколько цветов. Их удалось мне пронести до Перми, но конвойный нашел их при обыске и выбросил. А когда он отвернулся, я подобрал один василек, и он еще цел...»

Возвращаясь с прогулки домой, Виктор Павлович непременно приносил жене букетик полевых цветов.

— Казалось бы, мелочь,— говорит Владимир Викторович,— подумаешь, небольшой букет ромашек, но мы с сестрой видели счастливый и благодарный взгляд матери, принимающей от отца его скромный дар. И этот взгляд говорил нам, детям, о многом — о нежной, верной и самоотверженной любви наших родителей. А как это важно для ребят! Мне кажется, что мальчик, который изо дня в день видит возвышенное отношение отца к матери, не сможет, не посмеет вырасти холодным, расчетливым циником и хамом...

Виктор Павлович любил гулять с Владей вдоль берега Москвы-реки. Неподалеку лежало печально знаменитое Ходынское поле, где в день коронации последнего русского царя Николая II погибло много народу. После революции на Ходынском поле была построена первая советская радиостанция. Владя, как и многие мальчишки в его возрасте, интересовался техникой. Виктор Павлович со знанием дела объяснял ему все, что касалось работы радиостанции.

— Вообще отец мог ответить на любой вопрос,— вспоминает Владимир Викторович.— Я до сих пор восхищаюсь его образованностью, хотя формально он окончил всего лишь пятиклассное калязинское училище. Правда, он всю жизнь занимался самообразованием, настойчиво пополнял свои знания, находясь в тюрьмах, ссылках или эмиграции. Он постоянно чему-то учился...

Находясь в верхоянской ссылке, Виктор Павлович Ногин изучал окружающую жизнь и природу. Он, например, отмечал дни прилета и отлета птиц, изучал приметы времен года, а также вел тщательные метеорологические наблюдения. Виктор Павлович хотел сформулировать гипотезу, объясняющую происхождение местного рельефа. Он возился с самодельным угломерным инструментом, производил подсчеты, стараясь объяснить такое удивительное явление, как полярное сияние. Результатом его наблюдений явилась книга «На полюсе холода». После революции ее редактировал Алексей Максимович Горький, давший книге высокую оценку...

Страсть к подобным занятиям сохранилась у Вик-

тора Павловича навсегда. Ее он стремился привить и своим детям, разбудить в них интерес к окружающему миру, к его познанию.

В воскресные дни, отдыхая на даче, Виктор Павлович, бывало, удобно усядется на ступеньках террасы и читает детям вслух какую-нибудь интересную книжку.

Владе в ту пору было лет девять, а Леле шесть — они уже и сами умели читать. Соседи недоумевали: «Зачем Виктор Павлович это делает? Он ведь может отбить у детей охоту к чтению».

Но Виктор Павлович придерживался на этот счет совсем иного мнения. Он был убежден, что родители должны читать книги вместе с детьми: сесть вот так рядышком, взять в руки книжку и читать вслух. Никакой мудрец не придумает более простого и верного пути к сближению родителей с детьми.

Была, однако, и другая причина этому. Виктор Павлович читал сыну и дочке книжки на английском языке и переводил прямо с листа. Боясь пропустить хотя бы слово, Владя и Леля внимательно слушали трогательную историю Маугли, заблудившегося в джунглях и выкормленного волчицей. Ребята полюбили верного друга мальчика пантеру Багиру и возненавидели тигра Шерхана...

Заканчивалась одна история, и Виктор Павлович принимался за другую — о маленьком храбром зверьке мангусте Рикки-Тикки-Тави, о его победе в поединке с ядовитой коброй Нагайной, о спасении им мальчика Тедди...

С замиранием сердца Владя и Леля следили за приключениями Тома Сойера на воздушном шаре. Эту книгу Виктор Павлович также переводил им с английского. Она, между прочим, до сих пор не издана в русском переводе.

Виктор Павлович Ногин изучал английский язык в Лондоне, в годы своей первой эмиграции. Позже он самостоятельно выучил французский и немецкий языки. Виктор Павлович обладал незаурядными филологическими и литературными способностями. В 1915 году издательство «Польза» выпустило рассказы Д. К. Джерома, том избранных новелл Голсуорси и повесть Герберта Уэллса «Человек-невидимка» в переводе В. П. Ногина.

— С тех пор, как папа читал нам вслух книги, прошло много лет,— говорит Владимир Викторович Ногин.— Сегодня мне нелегко подобрать нужные слова, чтобы объяснить, как дороги для меня и для сестры были эти часы совместного чтения. Дело даже не в том, что папа привил нам любовь к книге, а в том, что он научил нас разбираться в литературе, помог выработать литературный вкус. Например, мне не нравилась легенда об Уленшпигеле, которая была любимой книгой отца. Она постоянно лежала у него на столе, и папа мог открыть ее на любой странице и читать не отрываясь. Спокойно, ненастойчиво отец раскрывал мне высокую поэзию этого произведения, объяснял его глубокий смысл.

Чтение вслух доставляло нам, помимо всего, и большое эстетическое удовольствие. Читая, отец, бывало, останавливался, перечитывая понравившиеся ему места, обращая наше внимание на красоту описаний, живость диалога, на мудрый смысл той или иной фразы. Особенно он любил лирическое описание природы, радовался удачным и ярким образам и сравнениям, восхищался языком писателя. Так отец учил нас чувствовать и понимать красоту, отличать истинное от подделки.

Теперь, став сам отцом, я понял, как важно не только дарить детям книги, но и находить время читать их с ними вслух. Никакое сидение у телевизора, никакие «коллективные» походы в кино не могут заменить той теплоты и душевного единения в семье, какие создаются во время громкого чтения книги за общим столом или в уютном уголке комнаты.

Может, кому-нибудь это покажется старомодным. Признаюсь, мне жаль таких людей.

Когда я вспоминаю отца, он всегда встает в моей памяти стоящим у книжной полки, листающим страницы Пушкина, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Шекспира... Взяв с полки книгу, отец несколько торжественным голосом произносил: «Будем уважать книгу из-за любви и почтения к человеку...»

И еще небольшая, но характерная деталь: Виктор Павлович приучал детей давать свои книги для прочтения друзьям и товарищам. Он не боялся, что у книг не будет столь «новенького» вида, какой обычно бывает, когда они неприкосновенно стоят на пол-

ках. Виктор Павлович часто повторял своим ребятам остроумную реплику: у одних книги заполняют жизнь, а у других только книжные полки...

Лишь одну книгу Виктор Павлович не разрешал выносить из дому — «Изречения» Конфуция. Эта книга была ему очень дорога. Ее прислала однажды в ссылку его мать. На одной из страниц Варвара Ивановна своей рукой подчеркнула такие строчки: «Полезных друга три и вредных три. Полезные друзья — это друг прямой, друг искренний и друг, много слышавший. Вредные друзья — это друг лицемерный, друг льстивый и друг болтливый...»

Варваре Ивановне, однако, этого показалось мало, и она тут же на полях приписала: «А самый мерзкий друг — тот, ежели он предатель». Она не случайно приписала эти строки. Материнское чутье подсказывало ей, что сына кто-то предал. И Варвара Ивановна оказалась права. Позднее стало известно, что Виктора Павловича выдал охранке пробравшийся в ряды партии предатель.

Большое значение Виктор Павлович придавал и эстетическому воспитанию детей. Показателен такой факт. В книжном шкафу Виктора Павловича одна полка была специально отведена книгам, выпущенным известным в свое время издательством «Шиповник». Это были книги о жизни и творчестве художников, альбомы с репродукциями картин выдающихся живописцев. В часы досуга Виктор Павлович доставал эти альбомы и вместе с Владей и Лелей принимался рассматривать репродукции картин художников итальянского Возрождения, живописцев Голландии, Франции, Германии.

Оставило это какой-нибудь след в душе мальчика?

Сам Владимир Викторович отвечает на это так:

— Я не художник, не архитектор, не искусствовед, но с юных лет люблю живопись. И если у отца была только одна полка с книгами по искусству, то у меня ими заполнен большой шкаф. Стараюсь не пропустить ни одной выставки, часто хожу в наши замечательные музеи — для меня это душевная потребность.

Сказки Киплинга, которые Виктор Павлович читал своим детям, пробудили у них не только интерес к чтению, но и трогательную любовь к животным. Большим любимцем Влади и Лели был пес Бобка.

В начале двадцатых годов Ногины жили по соседству с семьей большевика П. Г. Смидовича. По вечерам за большим чайным столом усаживались взрослые и дети: Владя и Леля Ногины, Соня и Глеб Смидовичи, а также их приемная сестренка Октябрина — десятилетняя девочка, привезенная из голодающего Поволжья.

Досыта еды тогда не хватало, поэтому продукты делили по строгой норме. За чаем каждый получал небольшой ломоть хлеба и мелко наколотые кусочки серого, сырого сахара. Дети обязательно оставляли хотя бы несколько крошек хлеба или сахару для своего любимца Бобки. И родители, как бы голодно ни было, не говорили ребенку «съешь сам» или «оставь на завтра».

— Нам жестокие люди не нужны, — часто повторял Виктор Павлович. — Нам нужны добрые и справедливые.

Таковыми он хотел видеть своих детей и всех детей социалистического общества.

— Не всегда мы жили так просторно, в отдельной квартире, как сейчас, — говорит Владимир Викторович. — Но я не помню, чтобы в самой тесной квартире с нами не жили четвероногие друзья. Они и теперь полноправные члены нашей семьи: доберман-пинчер Джени и веселая, поющая канарейка. Жаль только — аквариума нет. Первый в моей жизни аквариум, помню, подарил мне папа. Он поставил его на подоконник и сказал: «Пожалуйста, не забывай каждый день кормить рыбок».

Приучая детей к заботе о животных, поощряя любовь к ним, Виктор Павлович и его жена воспитывали в ребятах добрые, гуманные чувства.

— Мы с сестрой благодарим за это отца и маму, — говорит Владимир Викторович. — Они навсегда уберегли нас от черствости. Я был участником Великой Отечественной войны, знал многих своих сверстников, людей, чье детство пришлось на первые годы революции, и ни у кого из них я не замечал проявления жестокости. Мы были беспощадными к врагу,

но жестокими не были никогда. И именно поэтому мы, дети Октября, воспитанные добротой и справедливостью, победили тех, кого сизмальства учили злобе и ненависти.

Как и большинство ребят, росших в годы гражданской войны и разрухи, Владя и Леля Ногины познали в детстве немало лишений. Они не всегда досыта ели, ходили в старой одежде, чаще всего перешитой из отцовского и материнского платья. У них не было хороших игрушек, их не баловали гостинцами.

Вернувшись в 1920 году из Лондона, куда Виктор Павлович Ногин ездил в качестве заместителя главы торговой правительственной делегации, он впервые привез детям подарки: Леле — новое пальто, а Владе — настоящий конструктор «Механо».

Леля посмотрела на обнову, примерила ее, а потом, сбросив, сказала:

— Не надену... Оно буржуйское...

Владя подарку был несказанно рад, но тут же решил поделиться своей радостью с товарищами. Он пригласил их к себе, и все сообща собирали разные замысловатые конструкции.

Однажды, собирая на полу какую-то модель, один из Владиных товарищей спросил:

— Зачем тебе папа привез это «Механо»?

— Как зачем? — удивился Владя. — Играть... Строить...

— Лучше бы он привез тебе новый костюм, — заметил практичный товарищ.

— Костюм у меня и вправду был плох, — вспоминая этот эпизод, признается Владимир Викторович. — Собственно говоря, у меня тогда никакого костюма не было: носил старые брюки да курточку, из которой я давно вырос. Но товарищ меня возмутил: как можно было сравнивать такое чудо, как мой «Механо», с какими-то штанами!

Разговор ребят слышали Виктор Павлович и Ольга Павловна и были искренне озадачены вопросом практичного мальчика.

Виктор Павлович с юности ненавидел стяжательство, чрезмерное увлечение вещами. В ранней моло-

дости он записал в своем дневнике полюбившиеся строки М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Нет опаснее человека, которому чуждо все человеческое, который равнодушен к родной стране, к судьбам ближнего, ко всему, кроме судеб пущенного им в оборот алтына».

Виктор Павлович часто вспоминал слова Карла Маркса о том, что человек должен быть правильно подготовлен к пользованию вещами. Преувеличенное внимание к вещам всегда порождает стяжательство, жадность, скупость. С другой стороны, пренебрежение к ним, к своему внешнему виду приводит к безвкусице, неряшливости, к нарочитому, вульгарному стремлению поставить себя вне общепринятого, бросить вызов общественному вкусу.

Виктор Павлович и Ольга Павловна Ногины считали, что в детях надо воспитывать разумное и спокойное отношение к вещам, уважение к тем, кто эти вещи делает, а также прививать им аккуратность и хороший вкус. Подарив сыну «Механо», Виктор Павлович понимал, что конструктор доставит ребенку не только радость игры, но и даст дело в руки, поможет ему теснее сдружиться с ребятами, обогатит духовно.

Виктор Павлович и его жена были убеждены: детям важно иметь и новое платье, и красивое пальто, но все это не должно брать верх над духовными потребностями. Если ребенок с детства научился отличать подлинные ценности от фальшивых, он никогда не станет рабом вещей, не превратится в мещанина, ничего не видящего дальше своего личного благополучия, им не завладеет чувство стяжательства, жажда наживы.

Этот нравственно-этический принцип, который старый большевик В. П. Ногин старался внушить своим детям, был верен не только для того далекого теперь времени, когда в годы разрушительных войн и хозяйственного упадка советские люди испытывали нужду, терпели голод и холод, но остается одной из важнейших заповедей нравственного кодекса коммунистов и в наши дни. Об этом свидетельствуют замечательные слова, сказанные товарищем Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС.

«Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа... Необходимо, однако,— подчеркнул он,— чтобы рост матери-

альных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии».

Володя и Оля были еще детьми, когда в мае 1924 года их постигло тяжелое горе — умер отец. Вместе с матерью дети читали некролог, написанный Надеждой Константиновной Крупской, знавшей В. П. Ногина давно, с начала нынешнего века. Она писала, что такие люди, как Виктор Павлович, были «телом и душой преданы партии... для нее живут, ею дышат... Основу партии составляли кадры именно этих старых, надежных товарищей».

До последних дней жизни Виктор Павлович Ногин занимал ответственные посты: был заместителем наркома труда, членом президиума Высшего совета народного хозяйства, председателем Главного управления текстильных предприятий, руководил Центральной ревизионной комиссией РКП(б).

Несмотря на тяжелую утрату, Володя и Оля Ногинны не испытали горестей и боли сиротства. С ними оставалась мать. И хотя Ольга Павловна много работала в Московском отделе здравоохранения (она явилась инициатором создания в столице первых яслей), она хранила традиции семьи, внимательно следила за учебой и воспитанием детей. Володя и Оля учились в школе, их окружали товарищи и друзья. Со школьной скамьи дети Ногинных активно участвовали в общественной работе. Володя Ногин, как и многие дети большевиков, стал одним из первых пионеров Москвы. Позднее он и сестра вступили в комсомол.

Окончив Высшее техническое училище имени Баумана, Владимир Викторович Ногин работал инженером-конструктором по текстильному машиностроению. Он крупный специалист в этой области.

В годы Великой Отечественной войны Владимир Ногин отказался от брони и добровольно ушел на фронт. В тяжелых боях под Ржевом военный инженер третьего ранга В. В. Ногин был тяжело ранен, потерял ногу.

Ольга Викторовна Ногина — научный работник, кандидат химических наук.

Оба они — сын и дочь Виктора Павловича Ногина — коммунисты.

Владимир Викторович и Ольга Викторовна Ногины уже бабушка и дедушка. Воспитывая детей, а теперь внуков, они стараются продолжать традиции своей семьи, всегда помнят отца, который так много дал им в детстве, бережно пестовал в детских сердцах ростки доброты и мужества.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Завсегдатаи парка Монсури, расположенного на окраине французской столицы, часто встречали человека средних лет, одетого в поношенный, но тщательно отутюженный костюм, гуляющего вместе с мальчиком лет десяти и девочкой лет тринадцати. Он всегда им что-то увлеченно рассказывал, и дети слушали его с большим вниманием.

Это был русский политэмигрант, большевик Николай Александрович Семашко — «главный доктор» республики, как будут называть его в первые годы Советской власти.

Как и многие другие русские революционеры, Николай Александрович Семашко вынужден был эмигрировать за границу. Он жил в Швейцарии, во Франции, в Болгарии, активно участвовал в жизни партии, работал секретарем Заграничного бюро Центрального Комитета РСДРП. Н. А. Семашко был в числе тех, кто по инициативе Владимира Ильича Ленина создавал в местечке Лонжюмо, под Парижем, партийную школу для рабочих. Он выполнял обязанности секретаря этой школы, преподавал в ней.

В эмиграции он жил вместе с семьей — женой Надеждой Михайловной и тремя детьми. Когда семья Семашко поселилась в Париже, старшей дочери Гале исполнилось тринадцать лет, сыну Сереже — десять и совсем малышкой была дочка Леночка.

Многие хорошие качества хотел воспитать Николай Александрович в своих детях. Но главное, чему он учил сына и дочерей, — умение самостоятельно думать, оценивать поступки, размышлять над своим поведением.

Он разговаривал с ними так, что ребята сами «доходили» до сути и уже никогда не повторяли своих шалостей или провинностей. Вот, например, такой, казалось бы, незначительный случай.

Однажды в парижскую квартиру Семашко пришел неизвестный человек и, так как взрослых не было, попросил десятилетнего Сережу передать отцу небольшой пакетик.

Незнакомец ушел, а Сережа тут же развернул пакет и увидел карманные часы. Мальчик долго, со все возрастающим любопытством рассматривал их, при-

слушивался к их ходу, затем начал заводить. Увлекаясь все больше и больше, он наконец открыл заднюю крышку и стал колесико за колесиком разбирать механизм.

Когда Николай Александрович вернулся домой, часы были окончательно разобраны, фактически приведены в негодность.

Взяв в руки сломанные часы, Николай Александрович спросил сына:

— Как это случилось?

— Мне хотелось посмотреть, как они сделаны, — честно признался мальчик. — Они так блестели и тикали...

Николай Александрович спокойно рассматривал части сломанных часов, лежавшие у него на ладони. Потом обратился к мальчику:

— Скажи, Сережа, вчера тебе очень жалко было свой городок?

Мальчик вспомнил, как накануне он весь день трудился и построил из разноцветных кубиков настоящий город: дома, башни, арочные мосты. Он был в восторге от своей работы и тут же решил похвастаться ею.

Он позвал отца, мать и сестренку, чтобы они любовались его работой. Все дружно и громко хвалили Сережу, а он буквально сиял от счастья. И вдруг маленькая Лена одним ударом разрушила все, что он так долго и старательно строил.

Вспомнив вчерашнее и посмотрев на сломанные часы, Сережа заплакал. Он плакал громко и безутешно, но ни Николай Александрович, ни Надежда Михайловна не стали его успокаивать. Когда же он в конце концов успокоился, отец продолжал разговор с ним.

— Знаешь ли ты, сколько труда было затрачено, чтобы сделать такие часы? — спросил он. — Но дело не только в этом. Эти часы, наверное, очень нравились русскому рабочему, который все же расстался с ними. А для чего? Как ты думаешь? Он хотел помочь своим товарищам учиться. Денег у рабочего не было, и тогда он решил пожертвовать своей самой дорогой вещью — часами. А ты их сломал...

Николай Александрович тогда не мог сказать сыну, что сумма, вырученная от продажи часов, дол-

жна была пойти на обучение русских рабочих в партийной школе Лонжюмо...

С тех пор прошло много лет, но Сергей Николаевич утверждает, что ему до сих пор кажется, будто тот разговор с отцом происходил только вчера. До сих пор он испытывает чувство вины перед родителями, которые вынуждены были тогда продать несколько своих вещей, чтобы возместить стоимость сломанных часов.

В семье Семашко не было такого случая, чтобы отец или мать наказывали детей за проступки, которые они совершали по своему неразумению. Поэтому ребята никогда не боялись признаться в них.

Вот что произошло однажды.

Врач по профессии, прошедший в молодости большую практику, Николай Александрович не мог во Франции получить работу. Врачам с русским дипломом в этой стране не разрешалось практиковать. Поэтому Николай Александрович лечил только своих товарищей по партии, с которых, разумеется, никогда денег не брал.

На жизнь он зарабатывал тем, что преподавал географию в школе для детей русских эмигрантов. Но учебных часов там было немного, поэтому бюджет семьи Семашко был весьма скромнен. Здесь знали цену деньгам и зря их не тратили, на учете был каждый франк. В семье был заведен порядок, при котором все деньги находились в руках Надежды Михайловны. Дети были в курсе финансовых дел родителей, от них не скрывали бюджет семьи. Семья жила трудно, но родители не делали трагедии из того, что денег на все нужды не хватало, и довольствовались тем, что было.

Николай Александрович любил напоминать детям слова Гамлета, обращенные к Полонию: «Сами по себе вещи не бывают ни плохими, ни хорошими, а только в нашей оценке».

Николай Александрович при этом добавлял:

— То же самое можно сказать и о деньгах. Деньги сами по себе роковыми свойствами не обладают. Все зависит от того, как мы к ним относимся.

Однажды из кошелька матери исчезла последняя пятифранковая монета, которую она отложила, чтобы купить продукты к обеду.

Собираясь пойти в лавку, Надежда Михайловна открыла кошелек и увидела, что денег там нет. Она тщательно перетряхнула карманы своего фартука и платья, обыскала всю комнату, но монеты нигде не было.

— Сегодня у нас не будет обеда, — грустно объявила она семье. — Я, наверное, потеряла последние деньги... Хотя я хорошо помню, что они лежали у меня в кошельке. Нет, я не могла их потерять. Я ведь никуда не выходила. Что же, тот, кто взял эти деньги, совершил не только бесчестный поступок, оставив нас всех без обеда, но он еще и трус. Мне стыдно, что мои дети трусы...

Часы пробили полдень, приближалось время обеда. Детям захотелось есть, но обеда не было.

Вдруг на всю комнату раздался громкий плач шестилетней Лены. Она сидела в углу, там, где в плетеной корзине хранились ее куклы.

— Что случилось? — спросила мать.

Лена разжала кулачок и подала ей исчезнувшие пять франков.

— Я не трусиха, — заливаясь слезами, оправдывалась малышка.

Мать спокойно принялась выяснять, как эти пять франков попали к Лене. Девочка, собственно говоря, оказалась невиновной, и вот почему: обычно, когда в семье появлялись деньги, маленькой Леночке родители покупали за одно су шоколадку. Шоколадка была завернута в золотую фольгу, и на ней была изображена пятифранковая монета. Увидев в открытом кошельке матери золотую денежку, девочка приняла ее за шоколадку, сунула в рот. Убедившись, что она ошиблась, Леночка бросила монету в корзину, где лежали ее игрушки.

Надежда Михайловна похвалила девочку за правдивость и мужество, но не придавала особого значения этому ее поступку. Лена должна была так поступить, никакой доблести тут не было.

Однажды в семье Семашко произошел по этому поводу серьезный и принципиальный разговор.

Старшая дочь Галя прочитала как-то в газете сообщение о том, что некий мосье Марсель Жиру совершил благородный поступок: он нашел кошелек с деньгами и передал его в префектуру своего района.

— Папа, мама, посмотрите, что пишут в газете! — восхищалась Галя. — Какой благородный человек! — и прочитала заметку вслух.

— Что же тут благородного? — спросил Николай Александрович. — Поступок мосье Жиру говорит лишь о его честности. Так должен поступать каждый порядочный человек. Если бы он присвоил чужие деньги, то оказался бы попросту вором... Ничего героического не совершил этот мосье Жиру, о котором, захлебываясь, пишет буржуазная газета. Так, — с усмешкой проговорил Николай Александрович, — и в герои нетрудно попасть.

Смущенная Галя сидела с газетой в руках. Видимо, слова отца поколебали ее прежние представления о порядочности и благородстве.

— Подумай сама, — продолжал Николай Александрович, обращаясь к дочери. — Если ты считаешь, что вернуть кошелек его владельцу — это высшее проявление человеческих достоинств, то как же ты оценишь поступки людей, которые во имя высоких и благородных идеалов ведут борьбу, вынуждены скитаться на чужбине, находиться на каторге, в тюрьмах, ежедневно и ежечасно жить в постоянной тревоге за судьбы своих близких?..

И еще, — добавил Николай Александрович, — не кажется ли тебе, что мы оскорбляем человека, выразив ему благодарность за элементарную порядочность? Добрые поступки, мне кажется, не нуждаются в награде. Подумай, дочка, обо всем сама...

Как и все дети, Галя, Сережа и маленькая Леночка часто шалили, возились, шумели, но их за это никогда не наказывали. Однако когда была нужна тишина или когда дети переступали порог дозволенного и их поступки причиняли волнение другим людям, Николай Александрович и его жена проявляли твердость и строгость.

Однажды, когда Николай Александрович и Надежда Михайловна собрались на партийное собрание, старшая дочка Галя заявила, что сегодня вечером она хочет навестить одинокую старую женщину, знакомую семьи, много лет тому назад эмигрировавшую из России.

Родители этим были довольны и пообещали после собрания зайти за Галей.

Был уже поздний вечер, когда Николай Александрович вместе с женой пришли к своей знакомой. Старая женщина сидела одна за столом, на котором стояло более чем скромное угощение, приготовленное к чаю: небольшая горстка дешевых конфет в вазочке, а на плоской тарелке аккуратно разложенные тонкие ломтики белого поджаренного хлеба...

— А где же Галя? — спросили родители.

— Не знаю, я ждала ее, — ответила старая женщина.

Родители, разумеется, заволновались. Николай Александрович и Надежда Михайловна, извинившись, немедленно ушли домой.

В светлой комнате, уютно устроившись на диване, Галя читала книгу.

— Что случилось? — спросил Николай Александрович. — Почему ты дома?

— По дороге я встретила Веронику, — спокойно объяснила Галя, — и мы решили немножко пройтись по городу. Вышли на набережную Сены, побродили, постояли у букинистов и не заметили, как пролетело время.

От волнения и гнева Николай Александрович долго не мог произнести ни слова. Потом тихо, словно про себя, сказал: «Старая женщина весь вечер ждет четырнадцатилетнюю девчонку... Из своих скудных средств приготовила чай. Она волнуется. А ты в это время бродишь по набережной...»

Потом строго, голосом, не терпящим возражений, отец приказал:

— Немедленно одевайся!

— Зачем? — робко спросила Галя.

— Ты сейчас же отправишься просить прощения за свой низкий и отвратительный поступок.

Был поздний вечер, улицы Парижа освещались плохо, и Надежда Михайловна осторожно спросила:

— Может быть, она это сделает завтра утром?

— Нет! — резко и твердо ответил Николай Александрович. — Она пойдет сейчас, немедленно, сию же минуту...

Галя надела пальто и быстро выбежала из дому. Несколько минут спустя за ней отправился и Нико-

лай Александрович. Опасаясь за четырнадцатилетнюю девочку, он шел по ее следам в темноте вечернего Парижа, но так, чтобы она его не заметила.

Утром Галя подошла к отцу, обняла его и тихо проговорила:

— Прости меня, папа...

Отец часто говорил с сыном и дочерьми о совести, о благородстве, старался воспитать в своих детях эти качества.

— Я часто вспоминаю такие разговоры отца, — говорит младшая дочь Н. А. Семашко Елена Николаевна. — Особенно отчетливо пронеслись они в моей памяти много лет спустя, когда я была уже комсомолкой и мне довелось слушать речь М. И. Калинина. Выступая в 1928 году перед молодежью Москвы, Михаил Иванович с тревогой говорил: «Мы теперь иногда, чуть немного человек заикнется о каких-либо определенных нормах общественной нравственности, сейчас же осаживаем его: не морализуй, мораль — это буржуазный признак».

Как хорошо, — говорит Елена Николаевна, — что наше общество уже давно преодолело эту болезнь ребяческого возраста и все встало на свои места. Я с радостью прочитала в любимой мной книге-трилогии Ю. Германа «Дорогой мой человек» слова, полностью выражающие сущность нашей советской, коммунистической морали. «Совесть, честь, порядочность, — говорит один из героев книги, — мы напрасно, между прочим, игнорируем, предполагая, что они не из нашей морали, лексики. Оно наше, только наше...» За эту подлинно человеческую мораль боролись поколения большевиков, к которым принадлежал и мой отец.

Находясь во Франции, Н. А. Семашко пользовался каждым часом свободного времени, чтобы совершать с детьми прогулки. Дети их очень любили. Вместе с отцом блуждали они по улочкам Парижа, знакомились с его живописными окрестностями, узнавали красивые и незнакомые уголки этого неповторимого города. Прогулки с отцом превращались для старших детей — Гали и Сережи — в своеобразные уроки гражданского мужания и нравственного становления.

Давно известно, что дети быстро привязываются к тем, кто ходит с ними на прогулки, но потом они охотнее следуют за теми, кто учит их жизни. Ребенок постоянно нуждается в проводнике, и не только по достопримечательным местам. Маленькому человеку нужен любящий и надежный поводырь, который укажет ему верный путь по неведомым тропам жизни, научит преодолевать крутизну, самостоятельно ориентироваться на житейских дорогах.

Прогулки Николая Александровича с детьми служили именно этим целям.

Показывая детям Париж, город великих революционных потрясений и бурь, Николай Александрович не упускал случая, чтобы рассказать сыну и дочери о событиях, происходивших здесь, раскрыть их смысл и значение.

Однажды он оказался с детьми на маленькой улочке де ля Сурдьер. Николай Александрович остановил Галю и Сережу у ветхого домика и, указав на четыре окна его второго этажа, сказал:

— Здесь жил Максимильен Робеспьер, выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII века.

И тут же, стоя у этого домика, отец рассказал детям о Великой французской революции, о мужестве санкюлотов, о рождении «Марсельезы» — песни, с которой шли в бой защитники революции и которая стала затем любимой песней революционеров других стран.

Перешли короткий Аркольский мост и вышли на правый берег Сены. Николай Александрович показал ребятам здание ратуши.

— 18 марта 1871 года здесь была провозглашена Парижская коммуна.

И дети услышали взволнованный рассказ отца о первом правительстве рабочего класса. Просто и доходчиво Николай Александрович объяснил сыну и дочери, почему французские рабочие подняли восстание против буржуазии, рассказал о бесправии народа, о тяжелом, изнурительном детском труде. Он говорил с детьми о самоотверженной борьбе парижских пролетариев, которым пришлось одновременно отбивать атаки интервентов-пруссиков и внутренних врагов. Николай Александрович посетил вместе с сы-

ном и дочерью кладбище Пер-Лашез, подвел их к стене, которая вся была изрешечена пулями. Сняв с головы кепку, он сказал:

— Здесь расстреливали парижских коммунаров... Давайте постоим тихо.

Галя положила к подножию стены маленький букетик фиалок.

Своими рассказами Николай Александрович стремился пробудить в душе детей интерес к делу революции, вызвать сочувствие к подвигам парижских коммунаров, наследниками которых считали себя русские революционеры-большевики.

По мере того как дети становились старше, Николай Александрович рассказывал им о борьбе русских большевиков, своих товарищей по партии. Не раз возвращался он к воспоминаниям о баррикадных боях 1905 года, когда был одним из руководителей восстания сормовских рабочих. Ему было что вспомнить, о чем рассказать...

Во время одной из таких прогулок Николай Александрович рассказал детям о случае, приключившемся с ним во время его первой эмиграции. Он был неожиданно арестован швейцарскими властями и заключен в женевскую тюрьму. Несколько месяцев находился Николай Александрович в заточении вместе с уголовниками. Под нажимом царской охраны швейцарские власти решили выдать Семашко и отправить его в Россию. Николаю Александровичу, активному участнику революции 1905 года, это грозило смертной казнью.

Пока шли переговоры между царской охранкой и швейцарской полицией, Николай Александрович находился на строгом тюремном режиме. Он был постоянно голоден, ему не разрешалось покупать в тюремной лавке даже хлеб. Вдруг он получает передачу — небольшой пакетик с тремя мандаринами.

— Кто же это так подшутил надо мной? — обиделся Николай Александрович. — Мне бы хлеба, а не деликатесов... Но, повертев в руках вкусно пахнущие дары юга, он вдруг сообразил: мандарины, видимо, были переданы не зря. Он внимательно осмотрел их и на одном из мандаринов увидел едва заметный надрез на кожуре. Он снял ее и нашел в мандарине плотно свернутую записку. На тонкой папиросной бумаге

было написано: «Не робей, приехал Ленин, взялся за твое дело».

Владимир Ильич пригласил лучшего адвоката, и тот добился освобождения Семашко из швейцарской тюрьмы.

Много давали для развития ума и чувств такие беседы. Николай Александрович умел удивительно тонко затрагивать самые глубокие струны души, заставляя острее переживать несправедливость, чувствовать героизм событий, о которых рассказывал. Благодаря таким беседам Сережа и Галя стали острее ощущать живую связь настоящего с прошлым, смысл и цели борьбы русских революционеров. Эти беседы с отцом помогли детям воспринимать историю как категорию нравственную, позволяющую человеку чувствовать себя наследником прошлого, сознавать свою ответственность перед будущим.

Вскоре идеалы отца стали идеалами детей. Для ребенка идея всегда неотделима от конкретной личности. Слова отца становятся убедительными, обретают силу воздействия, если подкрепляются делами. Сережа и Галя знали об активной подпольной деятельности отца, о его революционной работе. Они гордились им, его мужеством, честностью, партийной принципиальностью.

От того, как в годы детства и юношества человек относится к героическому подвигу старших, во многом зависит в дальнейшем его гражданская позиция.

Незабываемый след в жизни детей Николая Александровича оставило знакомство с Лениным. Владимира Ильича Семашко узнал еще в годы швейцарской эмиграции, но особенно сблизился с ним во время пребывания в Париже; Владимир Ильич нередко бывал в доме Семашко.

Дружба родителей с Владимиром Ильичем не прошла стороной и для ребят: они быстро привязались к нему и навсегда полюбили.

Сын Н. А. Семашко Сергей Николаевич рассказывает о встречах с Лениным с большим волнением:

— Когда к нам в дом приходил Владимир Ильич, я сразу взбирался к нему на колени, а Галя и Леночка пристраивались рядом. Мы все принимались просить дядю Володю, как мы тогда называли Владимира Ильича, рассказать нам что-нибудь интерес-

ное. Владимир Ильич всегда имел про запас какую-нибудь забавную историю или сказку. Окончив рассказ, Владимир Ильич поднимался со стула и, засучив рукава, нахмутив брови, говорил мне с полной серьезностью:

— Ну а теперь, Сергей, давай-ка бороться...

Сейчас я понимаю, в чем заключалась его хитрость. Владимир Ильич знал, что я рос тогда очень флегматичным, слабым ребенком. А тут, раззадоренный, я сбрасывал с себя курточку, тоже засучивал рукава рубашки и становился в позу заправского боксера.

— Раз! Два! Три! — командовал Владимир Ильич, и я как петушок начинал нападать на него.

Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Николай Александрович с головой ушел в новую для него работу. В самый разгар гражданской войны, летом 1918 года, В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Народного комиссариата здравоохранения. Первым его наркомом был назначен Николай Александрович Семашко. Руководимый им Народный комиссариат здравоохранения создавал новую сеть медицинских учреждений в стране, организовывал охрану материнства и младенчества, объявлял беспощадную борьбу эпидемиям...

Ежедневно в Москву прибывали раненные с фронтов гражданской войны, в стране свирепствовал сыпняк, больных надо было разместить в больницах, лечить, поднять на ноги.

Подросшие дети Н. А. Семашко не хотели стоять в стороне от дела отца. Они знали о том, что он и его помощники не гнушались никакой работой. В Москве, на Солянке, должен был открыться первый Рентгеновский институт. В подвале здания, где намечено было разместить оборудование, раньше стояли лошади. Навозу там было выше колен. И вот, чтобы ускорить открытие института, врачи вместе с наркомом Семашко и его пятнадцатилетним сыном Сергеем взяли в руки лопаты и, стоя по щиколотки в навозной жиже, очищали помещение.

В Москве не хватало врачей, фельдшеров, сестер, санитарок. И тогда восемнадцатилетняя Галя и тринадцатилетняя Лена стали дежурить в московских госпиталях и больницах.

И тут на семью Семашко обрушилось большое горе.

Ухаживая за больными, Галя заразилась тяжелой формой «испанки», эпидемия которой в то время свирепствовала в Москве. Спустя несколько дней девушки не стало.

Николай Александрович тяжело переживал смерть старшей дочери, мечтавшей пойти по его стопам, стать врачом.

В день Галиной смерти в Кремле проходило важное заседание Совета Народных Комиссаров. Николай Александрович нашел в себе силы, чтобы прийти на это заседание. Владимир Ильич, со свойственной ему чуткостью, сразу заметил тяжелое, угнетенное состояние Семашко, а когда узнал причину, то в тот же день прислал ему и его жене теплое письмо, полное участия в постигшем их горе.

Пример отца, его самоотверженность в работе оказали решающее влияние и на младшую дочь, Лену. Она тоже решила стать врачом.

Окончив Первый медицинский институт, Елена Николаевна Семашко работала в яслях, в детских консультациях, в Московском институте охраны материнства и младенчества. После Великой Отечественной войны, когда у молодого врача прибавилось опыта, Елена Николаевна Семашко возглавила детскую туберкулезную больницу Тимирязевского района столицы.

— Отец всегда и во всем оставался для меня примером,— говорит доктор Е. Н. Семашко.— Я была еще мала, когда наша семья жила в эмиграции в небольшом болгарском городе Пештере. Но я помню, как отец сокрушенно говорил: «Не все болезни можно вылечить порошками и каплями. Что толку, что я скажу рабочему-французу или крестьянину в Болгарии, больному язвой желудка, чтобы он ел побольше масла, молока, яиц, когда он и простого хлеба или мамалыги не может поесть досыта. Надо изменить всю жизнь, чтобы рабочие и крестьяне не голодали, тогда и болезни будет легче победить...»

Отец никогда и никому не отказывал в медицинской помощи. Услышав поздней ночью стук в окно в нашем глиняном домике, он тотчас же вскакивал с постели, брал саквояж с инструментами и отправлялся в далекие селения. Он пешком пробирался в самые глухие места, чтобы оказать больному помощь. Мне было очень радостно, когда мы с братом, ставшим, правда, не врачом, а инженером-конструктором, приехали спустя пятьдесят лет в город Пештеру. Оказалось, что старожилы города хорошо помнили нашего отца, русского доктора-«веселяка», доброго человека, бесплатно лечившего бедняков.

Прошли годы, полные труда и тревог, горестей и радостей. Но в памяти детей Николая Александровича Семашко, ставших уже пожилыми людьми, не стерлись задушевные разговоры с отцом, их глубокий и мудрый смысл.

— Мы стоим лишь того, чего стоят наши тревоги и заботы,— сказал однажды Николай Александрович.

И дети его всегда жили и поступали так, чтобы их тревоги и заботы не были мелочными и пустыми.

**УМЕТЬ ВСЕГДА,
ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ...**

Детям тридцатых годов навсегда запомнился праздник в Колонном зале Дома союзов, где однажды в Новый год зажглись яркие огни нарядной елки. Потом елочные огоньки зажглись во всех школах и детских садах, в домах советских людей.

Инициатором новогоднего праздника елки явился Павел Петрович Постышев. Хорошо помню номер «Пионерской правды», в котором на первой странице был помещен большой рисунок, изображавший Павла Петровича в окружении веселой детворы. Художник изобразил Постышева в боярской высокой шапке, в шубе Деда-Мороза, из-под которой выглядывала вышитая украинская рубашка. Под рисунком стихи известного украинского поэта Максима Рыльского:

Вы видите, как ласково
Глаза его горят,—
Павел Петрович Постышев
Сидит среди ребят.

— Еще один хороший праздник отвоевали у попов! — говорил, по-ивановски окая, Павел Петрович своим товарищам.

Павел Петрович Постышев — видный деятель большевистской партии и Советского государства. Много замечательных дел и начинаний связано с его именем.

Потомственный ткач, он уже в семнадцать лет активно участвовал в рабочем движении, был членом Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов, ставшего прообразом Советской власти. Талантливый организатор, Павел Петрович Постышев решал различные задачи, которые ставила партия: он воевал за Советскую власть в Восточной Сибири, был комиссаром дальневосточных партизан. П. П. Постышев вырос в крупного партийного руководителя. Он пользовался искренней любовью и уважением трудящихся нашей страны. Обычно скупой на похвалы, прославленный полководец гражданской войны

В. К. Блюхер писал: «Имя П. П. Постышева служило прямо знаменем на Дальнем Востоке».

После окончания гражданской войны Павел Петрович работал на Украине, возглавлял партийную организацию республики. Среди множества серьезных дел, которыми он занимался, борясь за подъем народного хозяйства и культуры Украины, за выполнение планов первых пятилеток, Павел Петрович никогда не забывал о детях, о пионерах и комсомольцах. Заботу о них он считал одним из важнейших своих дел.

Немало внимания уделял П. П. Постышев проблеме воспитания нового поколения. Он был добрым и чутким другом детей, часто приезжал в школы, выступал перед ребятами на слетах и сборах, у пионерских костров. Его любовь к детям выражалась в горячей повседневной заботе о них, проявлялась в активной и деятельной помощи.

Сегодня Дворцы пионеров и школьников имеются повсюду, они прочно вошли в жизнь советских людей. Многие поколения советской детворы проводили свой досуг в светлых, прекрасных дворцах: здесь занимались тем, к чему лежала их душа, здесь любой мог найти занятия по способностям, по своим склонностям. Многие талантливые пианисты и танцоры, шахматисты и математики, скрипачи и конструкторы начинали заниматься любимым делом в кружках Дворцов пионеров.

Инициатором таких дворцов для детей также был Павел Петрович Постышев. Первый в нашей стране Дворец пионеров и школьников был создан в Харькове. Вскоре после этого Павел Петрович помог создать в Киеве первый в Советском Союзе Театр юного зрителя; он же содействовал открытию в школах столовых и буфетов, организации при домоуправлениях детских площадок.

А сколько времени, внимания и душевного тепла отдал Павел Петрович Постышев комсомолу как старший товарищ, наставник, друг! «Парторгом комсомола» называли его комсомольцы Украины и вкладывали в этот гордый титул всю свою искреннюю признательность и любовь.

П. П. Постышев был неперенным участником всех комсомольских съездов на Украине. Он часто

встречался с молодыми рабочими, посещал студенческие аудитории и общежития, помогал развитию физкультуры и спорта. По его инициативе в республике были созданы первые аэроклубы.

В 1936 году, выступая на IX съезде комсомола Украины, П. П. Постышев нарисовал перед делегатами образ молодого человека социалистического общества — такой, каким он хотел его видеть. «Это будет физически здоровая, всесторонне развитая личность, с многогранным кругом интересов в жизни и запросов к ней, — мечтал Павел Петрович. — Это будут люди больших творческих возможностей, высоких творческих полетов; это будут люди высокого уровня культуры, не только потребители культуры, но и создатели ее; это будут люди, не знающие противоположности между умственным и физическим трудом; это будут борцы за полную победу коммунизма во всем мире».

Таким Павел Петрович хотел видеть и своих сыновей, в таком духе он их воспитывал.

Будучи секретарем ЦК Компартии Украины, Павел Петрович Постышев почти не располагал свободным временем. Но каждый час досуга он отдавал семье, своим мальчишкам — Валентину, Леониду и Владимиру.

Главной чертой большевика-ленинца Павел Петрович считал скромность. Скромность украшает человека — это он старался внушить в первую очередь своим сыновьям. Он никогда не позволял детям пользоваться какими-то привилегиями или поблажками, не допускал даже мысли, чтобы дети ответственных советских и партийных работников чем-то выделялись среди своих сверстников и товарищей.

Когда в годы нэпа Павел Петрович работал в Харьковском обкоме партии, его семья занимала небольшую квартиру в старом двухэтажном доме. Во дворе дома находилась небольшая частная пекарня и булочная. По утрам, когда младшие дети Леня и Володя выбегали играть во двор, хозяин пекарни поджидал их и непременно угощал теплыми, вкусными булочками с изюмом.

Мальчишкам, конечно, очень нравились эти булочки, они с удовольствием пользовались щедростью «добрého» дяденьки. Но однажды об этом узнал Павел Петрович.

— Скажите, Леня и Володя, этот «добрый» дядя угощает булочками всех детей нашего дома? — спросил он своих сыновей.

— Не знаем, — искренне признались мальчишки.

— А вы узнайте.

Ребята выяснили на следующий же день.

— Он угощает булочками только нас...

— Так я и знал! — воскликнул Павел Петрович. — А вы не догадались, почему он не предлагает булочки другим детям, чьи отцы работают на заводе или трудятся в конторе?

— Нет, — смутились Леня и Володя.

— Я думал, что вы более смысленные, — с укоризной заметил Павел Петрович. — Ну так слушайте, я вам объясню... Этот «добрый» дяденька угощает вас потому, что вы дети «начальника», что ваш отец наделен властью. Авось, думает он, когда будут утверждать налог на лавку, этот любящий своих детей отец вспомнит мою доброту, мои вкусные подачки сыновьям и, глядишь, сбросит лишнюю сотню. А может, и с ходатайством придется обратиться — вот и будет случай напомнить о своей доброте...

Мальчишки слушали отца, понутив головы, сгорая от стыда.

— Прошло много лет с тех пор, — рассказывает сын П. П. Постышева Леонид Павлович, — много прожито, много пережито за это время, а вспомнишь об этих булочках с изюмом — и опять краской стыда покрываешься. Горько вспоминать об этом, но и забывать нельзя. Часто приходится вспоминать отца, его поступки, дела, его доброе сердце, его большую, трогательную заботу о детях — своих и чужих... Впрочем, ему никогда и другие дети чужими не были...

В первые годы своего существования молодая республика рабочих и крестьян не могла сразу охватить заботой всех детей, потерявших в годы гражданской войны и разрухи родителей. Поэтому многие деятели большевистской партии, Советского правительства, а также рабочие семьи брали на воспитание приемных детей. Взял к себе в семью сироту и Павел Петрович Постышев. Мне удалось разыскать воспитанника Постышева. Им оказался московский шофер Михаил Романович Чаусовский.

В начале двадцатых годов, когда Павел Петрович работал на Украине, ему часто приходилось разъезжать по городам и селам республики. Во время одной из таких командировок поезд, в котором ехал Постышев, остановился на станции Лозовая. Стоянка была долгой. Павел Петрович вышел из вагона, заглянул в здание вокзала. Там, прислонившись к печке, стоя спал беспризорник, паренек лет четырнадцати. Павел Петрович разбудил его, повел в свой вагон. Он дал мальчику поесть, напоил чаем и увез с собой в Харьков, привел парнишку в свою семью. Жена Павла Петровича — Татьяна Семеновна Постоловская выкупала мальчика, передела в чистое белье (по росту все подошло от старшего сына Валентина) и уложила на диване спать.

От усталости и всего пережитого мальчик спал долго.

— А когда я проснулся, — вспоминает Михаил Романович Чаусовский, — то первой моей мыслью было: бежать! Огляделся, прислушался — в квартире никого нет. В комнате чисто, всюду прибрано. Где-то рядом тикают часы. Они, оказывается, лежали на тумбочке возле дивана. Массивные карманные часы — любимая добыча беспризорника: за них получишь хорошую выручку и сбыть их легче легкого. Но я почему-то не спешил завладеть ими... Смотрю, окно открыто настежь, комната всего лишь на втором невысоком этаже. Мне ничего не стоит схватить часы и спрыгнуть. И тут я почувствовал, что сделать это уже не в силах. Впервые за последние месяцы во мне проснулась совесть... Вернее, я был окончательно обезоружен благородством людей, приютивших меня, поверивших мне. Они оставили весь дом на беспризорного мальчишку, ничего не спрятав, не заперев на замок — ни дверей, ни шкафов. Мне трудно сейчас, спустя много лет, передать охватившее меня тогда чувство и все, что со мной потом произошло. Я понял в тот день одно: как бы ни сложилась теперь моя жизнь, я никогда не смогу взять чужую вещь...

Павел Петрович и Татьяна Семеновна приняли горячее участие в судьбе Михаила. Поначалу он оставался жить в семье Постышевых.

— Я чувствовал себя равноправным, как в род-

ной семье, — рассказывает Михаил Романович. — Павел Петрович и Татьяна Семеновна учили меня и воспитывали, как и своих детей — в меру ласково, в меру строго. Потом я был призван в ряды Красной Армии, служил в 3-м автоторизованном батальоне Украинского военного округа. По выходным дням, получив увольнительную, спешил в семью Постышевых, как в родной дом. Да он и был мне единственно родным...

Павел Петрович бережно щадил человеческое самолюбие и был очень тактичен. В обращении с людьми он никогда не унижал человеческого достоинства и чувства чести. Он понимал, что подчеркнутое покровительство может оскорбить человека. Поэтому он всегда смущался, когда хотел предложить своему воспитаннику Мише немного денег на карманные расходы. Каждый раз он начинал издали, спрашивал:

— Может тебе, Миша, ложку надо купить?

Красноармейцы носили тогда по традиции свою ложку за голенищем сапога. На занятиях, при быстрой ходьбе или во время перебежек, ложки эти легко терялись. Хорошо зная жизнь красноармейцев, Павел Петрович и решил использовать это для предлога.

— Никак нет! — бойко отвечал Михаил. — Ложка у меня имеется...

— Может, тебе новую надо купить?

Павел Петрович знал, что красноармеец в те времена получал всего 1 рубль 46 копеек в месяц, и не успокаивался до тех пор, пока под каким-либо предлогом не вручал Мише небольшую сумму на мелкие расходы.

— Вряд ли стоит особенно подчеркивать, как я обязан Павлу Петровичу и Татьяне Семеновне за все, что они для меня сделали, — говорит Михаил Романович. — Одно только скажу: всегда и повсюду, в труде и в бою, отправляясь в годы войны в разведку или сидя за рулем автомобиля, я старался и стараюсь быть достойным памяти этих людей. В любой самой трудной жизненной ситуации я всегда спрашивал себя: а как в этом случае поступил бы Павел Петрович?

В этом отношении Павла Петровича Постышева и

его жены к чужому, незнакомому мальчику наиболее ярко проявилась их душевная теплота.

Татьяна Семеновна Постоловская, жена Павла Петровича, активная большевичка, дочь известных в Сибири революционеров, защитив диссертацию на звание доктора юридических наук, занималась научной работой. Но как бы ни были заняты родители, к обеду они непременно приходили домой. За стол усаживалась вся большая семья: Павел Петрович, Татьяна Семеновна, ее мать и дети. Этот общий обеденный стол как-то по особому сближал всех членов семьи. Во время обеда мальчишки сообщали отцу и матери свои школьные новости. Павел Петрович внимательно их слушал, а иногда и сам принимался рассказывать.

Павел Петрович был превосходным рассказчиком. Он образно воскрешал картины своего детства и юности, революции 1905 года. Он любил рассказывать о схватке иванововознесенских ткачей с жандармами на берегу реки Талки, о том, как два года сидел во владимирской каторжной тюрьме, ожидая приговора. С чувством огромного восхищения говорил Павел Петрович о М. В. Фрунзе, с которым они вместе участвовали в революционной работе и одновременно предстали перед царским судом. Не раз вспоминал Павел Петрович о жизни в иркутской ссылке, где работал монтером городской электростанции.

Беседуя за обеденным столом, Павел Петрович внимательно следил за тем, чтобы мальчишки как следует ели, и очень сердился, если кто-либо из сыновей оставлял после себя недоеденный кусок хлеба. Однажды Леня торопился в авиаклуб. Он быстро съел суп, проглотил кое-как второе, залпом выпил кисель и, пробормотав невнятно «спасибо», поднялся из-за стола.

Вдруг раздался строгий голос отца:

— Леонид, вернись!

— Папа, я сыт.

— Вернись! — повторил Павел Петрович, и Леня уловил в его голосе жесткие, металлические нотки. Он снова сел за стол.

— Как ты посмел подняться из-за стола, оставив после себя кусок недоеденного хлеба?

— Это же горбушка...

Павел Петрович, который всегда отличался выдержкой, вдруг резко встал из-за стола:

— Ты говоришь — горбушка? Да знаешь ли ты вообще, что такое хлеб?

— Знаю, — ответил мальчик, понутив голову.

— Нет! — строго сказал Павел Петрович. — Барчуками стали! Не знаете цену хлебу. За такую вот краюху мои родители отдали меня, восьмилетнего, в люди. За то, чтобы получить ломоть хлеба, я с самого раннего утра до поздней ночи работал в мастерской... Моя мать, старая ткачиха, уважая хлеб, всегда заворачивала его в чистое полотенце, не позволяла даже крошке упасть на пол.

Павел Петрович, словно не видя уже перед собой сыновей, обратился к жене, Татьяне Семеновне.

— Мало наши дети знают о прошлом, — сказал он. — Знали бы — больше ценили бы настоящее. Мы все делаем, чтобы дети Советской страны жили лучше, — и это правильно. Пусть никогда не вернутся те дни, когда ребята голодали и краюха хлеба была для них мечтой. Но меня, как отца и коммуниста, тревожит то, что произошло сегодня за обедом. С каждым годом детство наших ребят становится все более радостным. И это замечательно. Но оно, — продолжал Павел Петрович, — становится и слишком уж беззаботным. А вот это скверно. Может ли человек быть счастливым, если его существование превращается в бездумное потребление всех удовольствий жизни, если он не помнит, какая трудная и тернистая тропа вела к сегодняшнему дню, если он не знает и не хочет знать, какой ценой было заплачено за эти радости?

Требую от своих детей быть честными и откровенными, сам Павел Петрович никогда не кривил перед ними душой. Он не боялся уронить перед мальчишками своего авторитета, признавал свои ошибки.

Как-то, возвратясь из школы домой, Леня стал рассказывать:

— Сегодня у нас должен был состояться сбор, а собраться оказалось негде. Школу построили без зала. Пришлось проводить сбор на лестнице. На первом этаже стояла вожатая, а мы выстроились на ступеньках. Чтобы лучше расслышать, что говорят

внизу, ребята все время перегибались через перила, а учителя нервничали — боялись, как бы кто-нибудь не свалился. Сбор был сорван...

— Да, — сказал, выслушав сына, Павел Петрович. — Неладно получилось. Здорово я виноват перед ребятами.

— Почему ты? — удивился Лёня. — Не ты же строил школу!

— Школу строил не я, но как партийный руководитель я был обязан получше вникнуть в проект, должен был помнить, что школу без физкультурного зала строить нельзя. Теперь придется пристраивать ко всем новым школам физкультурные залы.

Когда Леониду исполнилось четырнадцать лет, он, как и многие мальчишки в те уже далекие тридцатые годы, мечтал об авиации, занимался в киевском аэроклубе «Динамо». Его руководителем был замечательный советский летчик, будущий герой испанской войны, участник Великой Отечественной войны Н. А. Остряков. Когда же в стране был объявлен комсомольский спецнабор в авиацию, Лёня Постышев, окончив десять классов школы, поступил во 2-ю Борисоглебскую Краснознаменную школу летчиков-истребителей.

После окончания школы Леонид пришел к отцу в новой, с иголки, форме летчика, в звании старшины-пилота. В тот вечер между отцом и сыном состоялся серьезный мужской разговор. Леонид Павлович до сих пор помнит каждое слово, сказанное ему отцом в тот вечер.

— Сегодня ты стал летчиком, — сказал Павел Петрович сыну. — Скоро тебе предстоит стать защитником Родины. Наша страна стоит перед опасностью большой войны. Никто не знает, когда она начнется, но все знают, что ее не миновать...

Павел Петрович задумался, потом подошел к сыну, обнял его:

— Это будет жестокая война, на ее полях будет решаться судьба нашей Родины и будущего, во имя которого было принесено столько жертв в годы подполья, революции, в гражданской войне, во имя которого мы, старшие, жили и боролись. Я, конечно, уве-

рен, что мы победим: мы будем защищать справедливость и подлинный гуманизм. Но борьба эта будет трудной и жестокой...

Мы с мамой хотим, чтобы ты честно сражался, был бесстрашным и мужественным, чтобы всегда, при самых тяжелых обстоятельствах, верил в нашу победу. Хотим, чтобы ты стал настоящим коммунистом.

И, немного помолчав, добавил:

— Легко считать себя коммунистом, пока за это не надо платить кровью. Был ли ты им — выяснится лишь в час трудных испытаний. А от них никто не застрахован. Беда обычно настигает человека врасплох и требует от него собранности и воли. Надо уметь всегда, при всех обстоятельствах оставаться человеком. Я хочу, чтобы ты, мой сын, никогда не стоял в стороне от больших дел Родины, не страшился огромности задач, которые она может перед тобой поставить. Запомни: обывателем можно прожить при любом строе, но такая жизнь недостойна настоящего человека, она позорна для сына большевика...

Известному французскому мыслителю эпохи просвещения Шарлю Монтескье принадлежит мысль: «Лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов». Ее можно с полным основанием приложить к славному большевику, верному ленинцу Павлу Петровичу Постышеву.

Когда началась Великая Отечественная война, в газете «Волжская коммуна» появилась фотография группы первых добровольцев Куйбышевской области. Среди них был отличник, студент физико-математического факультета педагогического института Леонид Постышев.

Ныне Леонид Павлович Постышев — старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР, преподаватель Академии общественных наук при ЦК КПСС. Он всегда помнит заветы отца и старается жить так, чтобы быть достойным его памяти и его дел.

* * *

Закончен наш рассказ о семьях большевиков-ленинцев, о революционерах, боровшихся за правое

дело, за счастье людей труда, за свободу и справедливость. Через всю жизнь пронесли эти люди верность своим идеалам и целям, показали пример мужества, стойкости, душевной красоты и благородства.

В самоотверженном, вдохновенном труде куется и закаляется характер советского человека, для которого моральные и нравственные принципы, заветованные первыми поколениями большевиков-ленинцев, стали правилом жизни и поведения.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов об этой книге

3

Счастье — это всегда быть
нужным людям...

5

Непрерванная нить

15

Рабочая выучка

30

Жить надо борцом

43

Традиции семьи

54

«Моим детям — вместо завещания...»

62

«Нас учили добру и мужеству...»

73

Задушевные разговоры

87

Уметь всегда, при всех обстоятельствах
оставаться человеком...

100

Людмила Романовна Пинчук
МОИМ ДЕТЯМ — ВМЕСТО ЗАВЕЩАНИЯ

Заведующая редакцией *А. Т. Шаповалова*

Редактор *Т. Е. Яковлева*

Младший редактор *Л. В. Масленникова*

Художник *Е. П. Суматохин*

Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*

Технический редактор *О. М. Семенова*

ИБ № 1338

Сдано в набор 26 августа 1977 г. Подписано в печать 5 декабря 1977 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6,30.
Учетно-изд. л. 5,61. Тираж 200 тыс. экз. А 01698. Заказ № 2077.
Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

